

К 60-летию ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

© 1997 г., ЭО, № 2

Л.М. Левина

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ В I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР (ныне Института этнологии и антропологии РАН) в своих исследованиях всегда далеко выходила за границы собственно Хорезма. Уже с 1946 г. работы экспедиции охватили и территорию Восточного Приаралья – обширной разветвленной древней Сырдарьинской дельты.

С глубокой древности Восточное Приаралье являлось одной из важнейших зон постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами Великого евразийского степного пояса и земледельцами древнейших оазисов Средней Азии. Восточное Приаралье (и прежде всего его северная часть) было своеобразным «перекрестком» исторических путей передвижения народов, важных миграционных, а также торговых дорог. Здесь же располагались места традиционных «зимовок» скотоводческих и полускотоводческих племен. Физико-географические особенности этого региона обеспечивали специфические условия исторических процессов взаимодействия разных племен и племенных групп, хозяйственная деятельность которых представляла разные культурно-хозяйственные типы. Именно здесь формировались условия устойчивого сосуществования на протяжении столетий представителей различных этносов. Все это обуславливало специфику и сложность происходивших здесь активнейших этногенетических процессов, что позволило С.П. Толстову еще в 1940-е годы выделить Приаралье как территорию, особо значимую в этнической истории, назвав его «аральским узлом этногенеза»¹. Судя по археологическим находкам, данный регион обжился человеком еще в периоды неолита и бронзового века, но особенно интенсивно осваивался он в I тысячелетии до н.э. и I тысячелетии н.э. Многие ученые связывают области Восточного Приаралья с именами саков, алан, кангюев, эфталитов, хионитов, огузско-печенежскими и другими племенами, сыгравшими заметную роль в этнокультурной истории ряда евразийских народов.

Показательна и экологическая характеристика региона. Огромные открытые равнинные пространства при наличии развитых сложнейших речных систем обеспечивали людям легкость передвижения и широкое расселение. Формирование пространства для подобных историко-этнических процессов в большой степени определялось тем особым географическим положением, которое занимало Восточное Приаралье (в первую очередь северные районы равнины) на евразийском континенте. Практически – это центр широкого пояса, полукругом охватывающего громадные области азиатских и европейских степей.

В русле южных протоков огромной сырдарьинской дельты в Восточном Приаралье в VII–V вв. до н.э. обитали сакские племена², на основе культуры которых и под сильным культурным влиянием земледельческих оазисов юга Средней Азии в IV–II вв. до н.э. здесь сложилась и развивалась чирикратская культура; носители ее оставили нам разветвленные ирригационные сооружения, почти две сотни открытых неукрепленных сельских поселений, высокоразвитую архитектуру монументальных погребальных построек и несколько крепостей. Одна из них, безусловно, может рассматриваться как сатрапская резиденция в подчиненной Ахеменидам самой северной в

державе области «саков, которые за Согдом»³. В конце III – начале II вв. до н.э. жители чирикбатских городищ и поселений под давлением экологической ситуации (прекращение стока воды в южных Сырдарьинских протоках – Жаныдары и Инкардары) вынуждены были покинуть рассматриваемый регион и уйти, судя по археологическим данным, на юго-запад в районы Парфии и частично на восток, где в районе современного г. Алма-Ата оставили нам несколько своих поселений. Лишь в IX в. н.э. частично возобновляется сток вод южных протоков Сырдары.

Однако и в силу географического положения, наиболее важные в регионе миграционные пути и торговые дороги (прежде всего, одно из важнейших северных ответвлений Великого шелкового пути), зоны межэтнических и межкультурных контактов в I тыс. до н.э., как и в I тыс. н.э. проходили в бассейне древних северных сырдарьинских протоков – Кувандары и Пра-Кувандары (Эскидарьялыка), где с конца эпохи бронзы по IX в. н.э. развивалась джетыасарская культура.

Чрезвычайно своеобразная, очень архаическая по своему внешнему облику джетыасарская культура резко отлична от всех соседних среднеазиатских и казахстанских культур. Ареал джетыасарских памятников чрезвычайно широк, и территория, занятая городищами, простирается далеко на север, восток и юго-восток от бывшего культуры имя джетыасарского урочища. Первая характеристика культуры и типология памятников внутри урочища принадлежит ее первооткрывателю С.П. Толстову (в 1948 г.)⁴. В середине 60-х годов были даны уточненная периодизация культуры и классификация ее керамики. В развитии культур было выделено три крупных этапа: Джетыасар I (последние века до н.э. – конец III–IV вв. н.э.), Джетыасар II (IV–VI, возможно, VII вв. н.э.) и Джетыасар III (VII–IX вв. н.э.)⁵. В своих основных положениях хронология культуры и классификация выдержали проверку временем и были многократно подтверждены результатами работ на сотнях памятников Средней Азии и Казахстана. Джетыасарскую культуру характеризуют и особенности расселения, организация поселений, специфика материальной культуры, погребальных памятников. Топография джетыасарских поселений резко отличается от топографии инкардарьинских и жаныдарьинских поселений VII–II вв. до н.э., где господствуют оазисы из неукрепленных поселений. Среди известных нам более полусотни джетыасарских городищ были лишь многослойные с развитой фортификацией крепости и не найдено ни одного неукрепленного поселения.

Огромные многослойные, многотажные, хорошо укрепленные джетыасарские городища всегда размещались в непосредственной близости от русла или какого-либо иного естественного водного источника и были окружены некрополями, насчитывавшими сотни и тысячи курганов.

Все городища расположены группами (или «гнездами») по 5-9 крепостей в каждой. В настоящий момент известно не менее 9 групп («гнезд») одновременных ранних поселений. Характерные для джетыасарской культуры необычайная традиционность и консерватизм при внешней архаичности всех черт материальной культуры проявляются и в облике городищ, в планировке и характере внутренней жилой застройки, фортификации, строительных приемов на протяжении многих сотен лет. Для джетыасарских поселений типичны двухъярусные городища (они сохранились на высоту от 8 до 25 м над уровнем современной поверхности, площадью до 18 га), изначальное ядро которых состояло из круглых или овальных в плане двух-трехэтажных крепостей со сложной фортификацией и сплошной внутренней застройкой. Ядро городища, его верхняя площадка – многослойный дом-массив с мощной и сложной фортификационной системой. Как выяснилось в результате наших исследований, отдельные крепости погибли в результате военных столкновений, но основная масса их была покинута жителями вследствие каких-либо экологических катастроф (как правило, прекращения стока воды в русле, на котором они базировались).

На территории джетыасарской культуры наряду с вышеописанными отмечаем единичные крепости с иным типом фортификационных сооружений и внутренней планировки. Материал таких ранних поселений заставляет думать о принадлеж-

ности их к иноэтничному, инокультурному населению. Городища Ашаг-асар, Карак-асар можно связывать с ранними носителями среднесырдарьинских культур Южного Казахстана (соотносимых мною с юэчжами).

Появление же на территории джетыасарского урочища в VI–VII вв. крепостей без внутренней жилой застройки, вероятно, можно сопоставлять с частью семиреченских тюркских памятников типа крепостей-убежищ.

Подробный анализ строительной техники, начиная с материала, цокольных конструкций, характера стен, айванных, сводчатых и плоских перекрытий, проходов и лестниц, также выявил удивительный консерватизм при небольших нюансах, явно связанных с хронологическими различиями. То же можно сказать и о сложной фортификации, и о внутренней планировке крепостей.

С последних веков до н.э. вся внутренняя жилая застройка джетыасарских городищ представляла собой систему из множества однотипных двух- и трехкомнатных жилых секций, состоявших из функционально различных помещений. Основная жилая комната всегда сохраняла один и тот же интерьер: низкие широкие лежанки вдоль стен, центральный напольный открытый очаг строго определенной формы, выделенное глиняным валиком или стеночками предвходовое пространство, часто спиралевидные конструкции для зернотерок, своеобразные «очажные подставки». Местоположение каждой секции, ее общая площадь, интерьер основного жилого помещения оставались неизменными на протяжении столетий, хотя внутри основных стен секции происходили многочисленные перестройки, при которых менялось не только взаиморасположение комнат, но и их число. Рассматривая зависимость от местоположения и характера входа, пристенных лежанок, формы очага, удалось выявить два варианта интерьера основной комнаты жилой секции, бытовавшие до конца существования культуры в регионе (т.е. до VII–IX вв. н.э.).

Однако и позднее такая планировка продолжает оставаться обязательной для раннесредневековых и средневековых поселений типа Отрар в Южном Казахстане. Наиболее близкие аналогии обоих вариантам джетыасарских секционных планировок, иногда вплоть до тождественных деталей, находим в таких памятниках, как Кок-Мардан, Куйрук-тобе в слоях VI–VII, затем IX–X, X–XI вв. При преобладании первого варианта планировки (с прямоугольными очагами) здесь встречаются и секции с круглыми очагами и «очажными подставками», такими же тамбуровидными входами. Наряду с ними есть планировки секций, где смешаны оба джетыасарских варианта. Данные южные районы Казахстана являлись местом обитания носителей отрарско-каратауской культуры, теснейшим образом связанной с жителями джетыасарских городищ. Изучение памятников этих культур свидетельствует как о нескольких «волнах» миграции джетыасарцев в правобережье Сырдарьи (в III–IV, VI и VII вв.), так и об обратных движениях.

Исследования этнографа А.Н. Жилиной показали, что подобная джетыасарской секционная планировка с близкой формой лежанок и очагов бытует в некоторых районах Южного Казахстана вплоть до настоящего времени.

Раскопки помогли также выявить количество одновременно бытовавших жилых секций. Даже на одном из самых маленьких поселений в урочище, каким является Томпак-асар, на его двух площадках одновременно могло существовать не менее 63 вышеописанных жилых секций. Демографические подсчеты позволяют предполагать одновременное проживание в самых маленьких крепостях такого типа около 450 чел.

Любое джетыасарское поселение окружали десятки курганных некрополей. Изучение тысячи погребений позволило прийти к выводу о необычайной устойчивости как самих погребальных сооружений, так и единого для всех них типа погребального обряда, бытовавшего на данной территории без каких-либо изменений на протяжении всего существования культуры.

Джетыасарские могильники обязательно привязаны к определенным руслам, как правило, размещаясь на берегах действующего протока или канала и перекрывая валы и ложе уже нефункционирующего. Среди исследованных нами 29 некрополей

удалось зафиксировать бытование одновременных, но, безусловно, принадлежащих различным этносам могильников, размещенных на разных берегах одного протока или даже рядом на одном берегу. Среди раскопанных 740 курганов 102 содержали кирпичные сооружения – склепы, разделенные нами по совокупности архитектурных и планировочных признаков на три типа.

Детальный анализ погребального инвентаря показал, что такая форма погребений, как захоронения в кирпичных усыпальницах-склепах, наряду с другими типами подкурганных погребений достаточно обычна для джетыясарской культуры на всем протяжении ее существования в данном регионе.

Все джетыясарские подкурганные кирпичные погребальные сооружения – склепы условно разделены на три типа: подземные, полуподземные и наземные.

Вероятно, и подземные, и наземные склепы ведут свое происхождение в определенной степени от кирпичных мавзолеев могильника Северный Тагискен, расположенного в нескольких десятках километров от джетыясарских городищ, датируемого позднебронзовым временем. Строительная техника и приемы тагискенских мавзолеев (вплоть до качества, цвета и размеров сырцовых кирпичей) аналогичны таковым нижнего строительного горизонта джетыясарских городищ, как например Бедаик-асар. Керамический комплекс тагискенских мавзолеев (например, мавзолея № 6) генетически чрезвычайно близок к джетыясарской керамике. Сам же принцип подкурганных подземных сооружений, где стены и перекрытие сооружены из камня, широко известен среди памятников андроновской культуры Центрального Казахстана (например, могильник Бугулы-1).

Анализ склепов и остатков погребального инвентаря показывает, что наземные склепы бытовали весь период жизни джетыясарской культуры. Склепы первого типа, возникнув около середины I тыс. до н.э., доживают до IV в. н.э., когда начинается возведение полуподземных квадратных в плане склепов уже не со сводчатым перекрытием, а перекрытием в виде «ложного купола», дромосы резко укорачиваются, меняется местоположение входа и внутренний интерьер камеры. Перестают функционировать склепы второго типа одновременно с окончанием жизни джетыясарской культуры, т.е. в VIII–IX вв. н.э. Безусловно, склепы всех трех типов служили семейными усыпальницами и бытовали на протяжении весьма длительного периода. Очевидно, в своих неоднократных передвижениях на запад (в том числе и в районы Северного Кавказа), на юг и юго-восток (вверх по правому берегу Сырдарьи) носители джетыясарской культуры приносили с собой не только керамику, определенный другой инвентарь, строительную технику, но и свои обычаи, типы погребальных сооружений. В этом плане небезынтересно вспомнить и аланские каменные склепы Северного Кавказа, и сырцовые погребальные сооружения Южного Казахстана. Планы подкурганных склепов (наусов) Борижарского и других могильников Южного Казахстана практически полностью совпадают с джетыясарскими склепами. Более отдаленную аналогию представляют подобные памятники Таджикистана вроде подкурганных сооружений некрополя Тепай-шах. Следует напомнить, что джетыясарские подкурганные склепы, как подземные, так и наземные, функционировали уже в середине первого тысячелетия до н.э.

Среди исследованных джетыясарских погребальных памятников курганы, содержащие кирпичные склепы, составили менее одной седьмой от общего числа раскопанных. Остальные курганы под земляной насыпью имели грунтовые захоронения. Нередко под одной насыпью было несколько одновременных погребений. Наши раскопки затронули 29 могильников, расположенных вблизи 5 городищ Джетыясарского урочища: помимо склепов изучено около 750 захоронений в подкурганных грунтовых погребениях. Насыпи абсолютного большинства курганов окаймлялись рвами (диаметром от 6,5 до 30 м, изредка до 40 м) с перемычкой с южной стороны. Местоположение грунтовой могилы (или могил), кирпичного склепа под насыпью, ее (их) ориентировка были строго унифицированы по отношению к воображаемой поперечной оси перемычки рва. Можно предположить, что окаймлявшие насыпи курганов рвы с остатками тризны

являлись дополнительным рубежом, отделявшим мир живых от мира умерших, а перемычка рва – своеобразными «вратами» в хтонический мир.

Среди раскопанных курганов было шесть кенотафов и два – со специальными захоронениями животных. Все остальные курганы, помимо содержащих кирпичные склепы, заключали в себе грунтовые захоронения четырех типов.

Наиболее распространенными (чуть более половины – 50,5%) были погребения в могильных ямах с боковой нишкой для сосудов с заупокойной пищей. Как и курганы с кирпичными склепами, курганы, содержавшие могилы с боковыми нишками, размещены параллельными рядами «цепочек». Отмечено немало случаев, когда курганы с погребениями в ямах с боковыми нишками перекрывались курганами, содержащими могилы иного типа или же кирпичные склепы.

Среди исследованных нами курганов содержавшие погребения в подбоях составляют около 20%, в основном в окрестностях Алтын-асара. Наименее распространенным среди раскопанных джетыясарских курганов типом подкурганных грунтовых погребений были катакомбы, а захоронения в простых ямах составили чуть более 28%.

Анализ остатков погребального инвентаря позволяет считать, что наиболее ранними типами джетыясарских подкурганных погребений были захоронения в ямах с боковыми нишками и некоторые погребения в простых ямах. Весьма вероятно, что в середине I тыс. до н.э. в джетыясарском урочище подобные погребения уже существовали. Курганы с погребениями в ямах с боковыми нишками в абсолютном большинстве случаев прекращают бытование в III–IV вв. н.э. (возможно, отдельные курганы и в начале V в.). В IV – начале V в. появляются и курганы с погребениями в подбоях, которые параллельно с небольшим числом погребений в простых ямах бытуют до конца существования джетыясарской культуры.

Учитывая погребения в склепах, можно говорить об исследовании тысячи захоронений. Среди тех, которые поддаются определению, оказалось 245 мужских погребений, 255 – женских, 106 – детских.

Насколько можно судить по заполнению могил и положению захороненных, погребальный обряд во всех типах джетыясарских подкурганных грунтовых погребений одинаков. Завернутого в камышовые циновки умершего клали на дно ямы (подбоя, катакомбы) поверх слоя камыша или камышовых циновок на спину, головой на север, с вытянутыми ногами (сухожилия стоп подрезаны) и вытянутыми вдоль туловища руками. 86,4% раскопанных нами погребений было ограблено в древности. Кости животных сохранились в 67% раскопанных курганов, при этом в 88% таких погребений – кости барана (в 98% захоронений положены тазобедренные части барана). Лишь в десяти погребениях с очень бедным инвентарем были кости рыб.

Раскопанные джетыясарские курганы демонстрируют необычайную устойчивость типов погребальных сооружений (наземных и подземных) и погребального обряда. Строго унифицированы как детали погребальных сооружений, местоположение погребений, так и наборы и характер погребального инвентаря, а также особенности одежды и украшений, что, безусловно, определялось характером самой джетыясарской культуры. Именно на фоне подобного единообразия резче выявляются малейшие различия в деталях погребальных сооружений и в инвентаре. Приходится учитывать также и экологическую ситуацию региона. Так, вероятно, период смены типов подкурганных грунтовых погребений (при неизменности погребального обряда и внешнего вида насыпи и рва) совпал с прекращением стока воды в нескольких крупных руслах, с появлением принципиально новых ирригационных систем, что подтверждается и топографией хронологически разных курганов. Безусловно, в смене типов погребений важную роль сыграли и определенные новые религиозные воззрения населения, возникшие, возможно, под влиянием очередного, но достаточно мощного притока иноэтничного, инोकультурного населения на территорию размещения джетыясарских памятников.

Для джетыясарской керамики, как и для всей культуры в целом, характерны необычайная целостность и своеобразие комплекса, устойчивость пропорций, орна-

ментальных приемов, особый архаизм и консерватизм, распространяющийся на все формы посуды и проявляющийся на всем протяжении существования культуры в данном районе. Вся джетыясарская керамика была разделена нами на две группы, прежде всего по принципу технологии изготовления и обжига. Основная масса сосудов изготовлена ленточной техникой. Исследование джетыясарской керамики не оставляет сомнения в том, что носители культуры были знакомы с гончарным кругом, но по каким-то причинам практически не пользовались им.

В целом же джетыясарский керамический комплекс своеобразен, наделен специфическими чертами, сохраняющимися на протяжении всей истории культуры. Наличие такой устойчивой традиции, проявляющейся в четко стандартизованных формах, пропорциях, технологических приемах, позволяет рассматривать данную керамику как важнейший критерий определенности джетыясарской культуры и дифференцирующего признака на всей территории ее распространения (вплоть до Юго-Западной Ферганы и Северного Кавказа). Поэтому появление любых «чужих» форм и элементов фиксируется достаточно отчетливо. В этом плане на основе анализа материала, полученного в результате раскопок, возможно говорить, например, о привнесении «чужой» керамики во II–I вв. до н.э. из районов Тянь-Шаня, прысдарьинских и предгорных районов Южного Казахстана, Киргизии (юэчжи, гунны?) с одной стороны, и с верховьев Иртыша, Тобола, Ишима (угры?) – с другой. Нам представляется, что абсолютное большинство зафиксированной «чужой» посуды невозможно объяснить торговыми связями. Ее бытовой и относительно массовый характер при достаточно низком техническом качестве не позволяет считать ее предметом импорта. Скорее всего речь может идти о массовом переселении в районы расположения джетыясарских поселений инокультурного иноэтничного населения.

Как упоминалось выше, и все остальные категории материальной культуры характеризуются необычайной длительностью бытования, внешним архаизмом. Оружие представлено достаточно разнообразно: кинжалы, мечи, луки, стрелы, копья. В культурных слоях городищ найдены лишь бронзовые, костяные, железные наконечники стрел и костяные накладки сложного лука. Прочее же оружие являлось обязательной принадлежностью всех мужских и многих женских погребений. Положение мечей в могилах позволяет говорить о двух способах их ношения: слева от пояса вдоль левого бедра и справа, за правым плечом. Но если мечи отмечены лишь в мужских погребениях, то железные кинжалы, двулезвийные и однолезвийные, находились как в мужских, так и в женских погребениях. Помещались кинжалы в мужских погребениях как справа, так и слева у пояса, в женских захоронениях – только слева.

Коллекция тканей из джетыясарских курганов может дать представление о местном текстильном производстве и торговых связях этого региона от последних веков до н.э. до VI–VII вв. н.э.

Наплечная одежда женщин представляла собой длинные платья и относительно короткие кафтаны. Платья часто имели длинные рукава. Ворот платья застегивался янтарными, халцедоновыми, сердоликовыми, стеклянными пуговицами. Платья сшиты из хлопчатых, шелковых, шерстяных тканей. Все они имели розовый (краситель – сафлор), красный (краситель – марена), изредка карминный (краситель – червец) цвет. Были найдены также платья из полихромной ткани, где, однако, основным фоном оставался розовый или красный. Поверх платья надевали распашные кафтаны с рукавами, изготовленные из шерсти, хлопка, шелка, иногда и из тонкой кожи. Ворот и полы кафтанов обшивались рядами серебряных и бронзовых полушарной формы полых бляшек, а иногда и стеклянным бисером. Такая обшивка зафиксирована в нескольких десятках курганных погребений практически во всех исследованных нами джетыясарских могильниках, датируемых периодом от последних веков до н.э. по IV–V вв. н.э. Применение кожи в женской одежде из джетыясарских могильников было достаточно распространено. Кроме того, она употреблялась для украшения аппликациями из разнофигурной кожи, позолоченной или расшитой многоцветными шерстяными и шелковыми нитками.

Изучение фрагментов тканевых, кожаных, войлочных изделий, сохранившихся в джетыясарских памятниках, позволило выполнить несколько, хотя и частичных, реконструкций и выявить в погребениях разных типов и времени четкую повторяемость большинства видов наплечной одежды, головных уборов, а также сопровождающих одежду наборов украшений. Найденный в культурных слоях поселения войлочный чепрак с шерстяной узорной каймой наиболее близок пазырыкским. Многие детали мужской и женской одежды носителей джетыясарской культуры находят аналогии в материалах прежде всего евразийских степей савроматского и сарматского времени, а также в относимых к юэчжийским некоторым богатым погребениям Тилля-тепе. Кожаные одежды всадниц из джетыясарских курганов близки к кожаным накидкам, обнаруженным в горноалтайских погребениях скифских времен. Украшенные позолоченными кожаными фестономы головные уборы, туалетные сумочки перекликаются с найденными в раннегуннских курганах Монголии. Обнаруженные в джетыясарских курганах янтарные пуговицы из Прибалтики, сердоликовые – из Индии, стеклянные – из Сирии и Египта, халцедоновые геммы из Ирана, восточноевропейские и центрально-европейские фибулы и браслеты, как и множество других аксессуаров, лишний раз демонстрируют огромный размах джетыясарских связей. Что же касается самих тканей, то многочисленные находки в джетыясарских разновременных и разнотипных погребениях китайских одноцветных и полихромных шелков, как и полихромных же иранских шелков, служат доводом в пользу утверждения автора о значимости региона как особо важного перекрестка не только миграционных, но и торговых путей (в том числе и Великого шелкового пути).

Текстиль из джетыясарских могильников охватывает весь возможный для своего времени ассортимент богатых тканей. Богатейшими тканями для того времени были, безусловно, шелка – многоцветные и гладкие из Китая и многоцветные узорные из Ирана и Сирии. В то же время можно говорить и о местном текстильном производстве хлопка. Огромное же число пряслиц, найденных как в культурных слоях городищ, так и в погребениях, подтверждает предположение о широком развитии местного ткацкого ремесла. При этом невысокое качество местных хлопчатобумажных тканей компенсировалось их покраской. Одновременно с простыми хлопчатобумажными тканями употреблялись и многоцветные двухслойные ткани из хлопка, структура которых была идентична драгоценным иранским шелкам.

Свыше 600 металлических наременных бляшек и пряжек позволило помимо определения их типологии и хронологии дать реконструкцию 12 поясных наборов, которые можно распределить между двумя крупными хронологически различающимися группами. Особый интерес представляет хронологически более ранняя группа поясов, известная в основном в степях Казахстана. В целом все джетыясарские украшения отличаются необычайной стабильностью. Например, многие типы бус, появившись в погребениях, датируемых последними веками до новой эры, продолжают встречаться и позже, вплоть до V–VI вв. н.э. Постепенно происходят незначительные изменения в наборах бус, что, вероятно, связано с развитием стеклоделия как ремесла. Известно, что бусы – массовый материал, который с высокой степенью достоверности отражает направления связей и торговые отношения. Однако коллекция джетыясарских бус уникальна, потому что объединяет бусы самого разного происхождения: балтийский янтарь и индийские камни, средиземноморские кораллы, кавказский гагат и др. Стеклянные бусы происходят из мастерских всех известных школ стеклоделия. Такое разнообразие, видимо, нужно объяснять не только широкими торговыми операциями: носители джетыясарской культуры могли играть и роль торговых посредников; часть товара, перевозимого по караванным маршрутам, неизменно оседала на этой территории. Они также могли участвовать совместно с другими племенами в далеких военных походах.

Необычайной стабильностью отличались и туалетные наборы – обязательная принадлежность погребального инвентаря женских захоронений. Как правило, в его состав включали: 1) бронзовое зеркало в матерчатом или кожаном чехле, украшенном

иногда позолоченными фестонами; 2) железный ножичек; 3) створку крупной речной раковины, часто с остатками охры или мела внутри; 4) брусок мела; 5) деревянный гребень; 6) бронзовый или железный пинцет; 7) косметический набор; 8) туалетный сосуд; 9) изредка железное шило с деревянной или костяной рукоятью, а совсем редко и сурматаш.

Коллекция бронзовых зеркал из памятников джетыясарской культуры насчитывает 125 экз. Они объединены нами в восемь типов с вариантами и подтипами. Наиболее распространены в памятниках джетыясарской культуры зеркала с боковой ручкой-штырем (52% от общего количества). IV, VI–VIII типы-зеркал являются импортом. Зеркала были подвергнуты специальному металлографическому изучению (выполнила И.Г. Равич). В результате рассмотрения нашей богатой и разнообразной по своей типологии коллекции зеркал следует подчеркнуть: 1) поразительное сходство состава бронз независимо от времени и типа зеркала (естественно, не принимая во внимание импортных); 2) особую длительность бытования основных типов при абсолютной неизменности и внешнего вида, и габаритов. Вышеказанное заставляет с осторожностью относиться к аналогичным зеркалам на территории Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири (в первую очередь) как к датирующему явлению.

Среди многочисленных и разнообразных джетыясарских зоо- и антропоморфных изображений выделяются металлические литые подвески (слон, медведь, волк) и керамические ручки в виде медведей на характернейших по форме, технологии и отделке джетыясарских сосудах. Хронологический диапазон этих изображений в джетыясарских памятниках ограничен периодом от последних веков до н.э. до II–VI вв. н.э. Изображения медведей в виде металлических бляшек, подвесок и т.п. ярко представлены в культурах Зауралья и Западной Сибири, относящихся к угросамодийскому кругу, по крайней мере начиная с раннего железного века.

В материалах джетыясарских памятников находим три вида антропоморфных изображений: глиняные идолы, бронзовые литые изображения и налепы на стенках сосудов. Аналогичные примитивные глиняные, алебастровые или каменные идолы распространены в материалах, датируемых первыми веками н.э., из Поволжья, Крыма, Северного Кавказа, Средней Азии и других регионов, прежде всего в памятниках скотоводческих и скотоводческо-земледельческих культур.

Джетыясарские металлические антропоморфные бляшки и пряжки, как и антропоморфные налепы на стенках характерных джетыясарских сосудов, представлены только мужскими изображениями. Они обнаружены в нетронутых древними грабителями захоронениях девочек 4–7 лет (т.е. добрачного возраста), в виде фаллического типа пряжек и бляшек, пришитых к одежде. Это мужские фигуры с подчеркнутыми половыми признаками, чаще всего с имитацией головного убора. Четко выражены некоторые антропологические характеристики: одни длиннолицые с тонким носом, с подчеркнуто раскосым разрезом глаз; другие широкоскулые; иные круглолицые с выступающим носом; широколицые с тонким носом. 64% таких бронзовых антропоморфных фигурок обнаружено в погребениях последних веков до н.э. – первых веков н.э., 18% их отмечено в погребениях IV–V вв. н.э. и 18% – в материалах V–VII вв. н.э.

Керамические налепы на сосудах близки вышеописанным бронзовым фигуркам иконографически. Это налепы на стенках характерных для джетыясарской керамики крупных красноглиняных, обычно красноангобированных сосудов. Хронологические рамки этих изображений – с III в. по VII–VIII вв. н.э. Аналогии джетыясарским керамическим налепам встречаем в материалах присырдарьинских памятников отгарско-каратауской культуры вместе с типичной джетыясарской керамикой этапа Джетыясар II.

Массовые и наиболее близкие аналогии джетыясарским бронзовым фигуркам – части антропоморфных керамических налепов, части зооморфных металлических подвесок, изображения медведей – обнаруживаем прежде всего в зауральских степях. Все эти антропо- и зооморфные фигурки, подвески и налепы, хотя и являются характерной особенностью джетыясарской культуры, но не имеют в ней корней и распро-

страняются лишь на определенных ее этапах. Представляется, что они связаны, очевидно, с притоком на данную территорию очередного пришлого населения. Безусловно, иконографически тесно связанные с бронзовыми антропоморфными изображениями керамические антропоморфные налепы (как и часть металлических фигурок) могли развиваться уже в Восточном Приаралье, откуда позднее и распространились в районах Средней Азии и на запад.

Анализ материала, полученного в результате многолетних раскопок и разведок на территории огромной примыкающей с востока к Аральскому морю равнины, позволил прийти к заключению, что в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. были обитаемы главным образом обширные территории бассейна древних северных средне-сырдарьинских протоков, где создалась устойчивая, насыщенная памятниками область своеобразной культуры. Само географическое положение ее определяло функциональную нагрузку территории джетыясарской культуры. Именно эти регионы, занятые джетыясарскими памятниками, с древнейших времен являлись зоной постоянных торговых, культурных и этнических контактов между скотоводами евразийского степного пояса и прилегающих районов, а также между скотоводческими племенами и земледельцами среднеазиатских оазисов. Здесь же проходили весьма значимые торговые пути, и здесь же лежал своеобразный перекресток миграционных потоков.

Характерный для джетыясарской культуры необычайный консерватизм при внешней архаичности всех черт материальной культуры проявляется и в облике городищ, в топографии расселения («гнезда»), в планировке и характере внутренней жилой застройки, фортификации, в строительных приемах, погребальных сооружениях (как наземных, так и подземных), в едином для всех типов и групп погребальном обряде, бытующем без видимых изменений на протяжении всего существования культуры в регионе.

Антропологические исследования говорят об едином в основной массе населении, хотя в отдельных курганах и могильниках можно отметить иной расовый тип⁶.

Весьма устойчивой была и экономика. Хозяйство обитателей джетыясарских городищ носило комплексный характер, при котором занятие скотоводством и земледелием сопровождалось рыболовством и охотой. Скотоводство играло преимущественную роль в хозяйстве джетыясарского населения. В стаде содержались разные виды скота, при общем преобладании крупного рогатого, разводили коней.

«Гнездовой» тип расселения укрепленных джетыясарских городищ заставляет предполагать родоплеменную организацию, а наличие своеобразной типовой планировки жилища и ее бесконечная повторяемость в пространстве и во времени, особая связь какой-либо жилой секции с определенным глухим участком оборонительного коридора, полное отсутствие видимой имущественной дифференциации говорят о прочности патриархально-общинных отношений. Все аспекты культуры: топография и характер ее городищ, строительные приемы, принципы фортификации, внутренняя жилая застройка, погребальные сооружения и обряды, керамика, основные предметы быта, одежда, даже характер «модных» украшений – оставались неизменными на протяжении тысячелетия. Даже типы хозяйства, вероятно, и сама социальная организация общества, насколько можно судить по остаткам джетыясарской материальной культуры, практически не изменялись на всем протяжении ее бытования в регионе. Возможно, в силу происхождения, специфики социальной организации джетыясарского общества, расположения джетыясарских памятников в зоне традиционных миграционных дорог носители джетыясарской культуры могли особенно культивировать свой консерватизм и внешний архаизм и в качестве одной из защитных реакций. На фоне подобного единообразия всех черт материальной культуры становятся заметными малейшие отклонения в планировке поселений, фортификации, погребальных сооружениях, керамике и т.п. Эти «чужие» элементы, столь хорошо заметные в системе джетыясарских комплексов, позволяют успешно проследивать характер, направленность, степень проявления разных типов и форм контактов.

Сохранившиеся во многих захоронениях обрывки богато украшенной одежды,

сшитой из шерсти, хлопка, гладкого и полихромного шелка, кожи, свидетельствуют о постоянных далеких связях «джетыасарцев» как с Китаем, так и с Сирией, Ираном, дорогие полихромные шелка которых широко представлены в материалах джетыасарской культуры. То же можно сказать и о каменных бусах, фибулах, предметах туалета и т.п. Изделия всех ныне известных древних мастерских (в том числе и стекольных) от Египта до Китая, от Переднего Востока, Ирана и Индии до Центральной Европы и Прибалтики также найдены в джетыасарских курганах. При этом керамика, наиболее массовый и выразительный предмет материальной культуры, оставалась неизменной. Исследования разных аспектов материальной культуры различных регионов Средней Азии и Казахстана привели нас к убеждению, что именно бытовая керамика является основным индикатором не только культуры, времени, но и показателем этнической принадлежности. Бытовая (но никогда не парадная) посуда, чаще всего изготовленная ручной лепкой, никогда не становилась объектом импорта или экспорта, и в первую очередь это относится к культурам с натуральным типом хозяйства, часто со скотоводческо-земледельческим уклоном, что характерно для евразийского степного пояса и соседних лесостепных и полустепных районов. Погребальные обряды и типы погребальных сооружений, являющиеся отражением определенных идеологических представлений, могут быть одним из значимых проявлений культуры на определенных этапах, но не этнической характеристикой. Поэтому появление на «джетыасарской» территории иной керамики, как правило, вместе с фиксируемыми отличными от джетыасарских деталями погребальных сооружений и инвентарем позволяет говорить о притоке иноэтничного, инокультурного населения и проследить связи каждой новой «волны». Среди 29 изученных нами некрополей в двух – основное число курганов (могильники Алтынасар 4 м, Косасар 2), в трех – отдельные группы курганов (могильники Алтынасар 4 в, 4 к, 4 т), содержали погребения и элементы материальной культуры, резко отличные от типичных джетыасарских. Анализ материалов таких погребений показал, что на территорию размещения джетыасарских памятников носители иных культур и этносов попадали неоднократно. Так, уже к V–IV вв. до н.э. можно отнести отдельные погребения с характерным для тяньшаньских саков инвентарем. К последним векам до н.э. относятся немало курганов, содержащих материалы, типичные для зауральских гороховской, саргатской культур и соседних с ними лесостепных и лесных культур Зауралья и Приуралья, связываемых исследователями с угорскими и угро-самодийскими племенами. Тожественные материалы отмечены в культурных слоях ранних джетыасарских поселений в слоях последних веков до н.э. Весьма вероятно, именно с появлением в последние века до н.э. значительных масс зауральского населения можно увязывать распространение определенных зоо- и антропоморфных изображений. Эти изображения дополняют другие археологические данные и в первую очередь находки сосудов, тождественных керамике гороховской и саргатской культур Зауралья.

Почти одновременно с вышеуказанными в джетыасарских комплексах отмечаем материалы, типичные для предгорных и присырдарьинских районов Южного Казахстана, локальных вариантов среднесырдарьинских культур. Возможно, ко II–I вв. до н.э. – I в. н.э. можно отнести и постройку на территории, занятой джетыасарскими памятниками, четырех городищ, отличных от характерных джетыасарских крепостей, как-то: Ашак-асар, Карак-асар, Кос-кала Северная и Кос-кала Южная. Не только планировка, фортификация отличают эти памятники от джетыасарских, но прежде всего и керамический комплекс. Характерные пропорции, технология сосудов, найденных как на этих поселениях, так и в некоторых курганах могильников Бедаикасар 2, Алтынасар 4 в, 4 к, Косасар 2, тождественны таковым ранних слоев первого периода среднесырдарьинских культур (прежде всего предгорных районов), отличаясь от последних лишь большей примитивностью технологий изготовления и покрытия сосудов. Нам представляется вероятным отождествлять носителей этих культур с юэчжами.

Вероятно, в I в. до н.э. в джетыясарских комплексах фиксируются предметы инвентаря, характерные для памятников, связываемых исследователями с характерными гуннскими.

Неоднократно упомянутая специфика джетыясарской культуры позволяет не только четко выделять в материальных комплексах инокультурные элементы, но и проследивать их существование на протяжении длительного времени.

Аналогичная картина наблюдается и в памятниках первых веков и середины первого тысячелетия н.э. вплоть до VI–VII вв.: в Джетыясарском урочище отмечаем не только специфические черты «тюркского» орнамента на характерной джетыясарской керамике, но и фрагмент рунической надписи на венчике типичного джетыясарского кувшина, найденного в культурном слое одного из джетыясарских городищ. Можно говорить даже о двух волнах тюркского населения, с востока и юго-востока, попавших на «джетыясарскую» территорию в VI и начале VII в., но после смешения с местным населением давших отличные варианты культуры. Полученные при раскопках материалы дали возможность отслеживать судьбу «чужих» этносов и культур, попадавших на территорию «джетыясарцев». При этом постепенная ассимиляция часто не прерывала связи определенной группы пришлого населения с местами прежнего обитания. Последнее предположение подтверждается продолжающимися тесными связями и с зауральскими, и с восточносреднеазиатскими и другими районами, по крайней мере по IV в. н.э.

«Нарочитый» консерватизм джетыясарского населения мог быть проявлением устойчивого этнического самосознания, благодаря которому джетыясарская среда успешно «поглощала» большинство пришлых племен.

В то же время специфика самой джетыясарской культуры позволяла в определенный период, на протяжении столетий, сосуществовать на данной территории различным этническим образованиям.

Исследования антропологов подтверждают выводы археологов о том, что именно в упомянутых нескольких могильниках фиксируется смешанность населения; при этом, если женщины явно принадлежат к коренным жителям, то останки мужчин, например из могильника Косасар 2, обнаруживают почти тождественное сходство с носителями тогарской культуры, жителями Тувы, савроматами и сарматами Уральского региона¹.

Взаимодействие носителей джетыясарской культуры с иными племенами не проходило бесследно и для «джетыясарцев». Так, в конце III–IV в. н.э. гибнет в огне военных столкновений ряд джетыясарских городищ, другие спешно покидаются жителями. Очевидно, под влиянием волны кочевников с востока происходит передвижение больших групп джетыясарского населения в районы Северного Кавказа и далее на запад, а также четко фиксируемое одновременное передвижение их по правому берегу Сырдарьи на юг и юго-восток, по крайней мере до Ферганы.

В то же время джетыясарское население оказывало значительное влияние и на племена восточной части Средней Азии (прежде всего присырдарьинские), Северного Кавказа (ср. с раннеаланскими памятниками), Среднего Поволжья и др.

Миграционные волны достаточно четко фиксируются в рассматриваемых регионах Восточного Приаралья и в конце V – начале VI, в конце VI – VII и в VIII вв. н.э. В VIII–IX вв., в связи с очередными экологическими катаклизмами прекратилась жизнь в долинах древних северных сырдарьинских протоков, а часть жителей джетыясарских городищ переселилась в районы современных дельт Сырдарьи и Амударьи (культура «болотных городищ», кердерская), некоторые – на юго-восток, но большинство покинуло регион, продвинувшись дальше на запад и северо-запад, в районы Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа (бахмутинская, салтовская культуры).

Безусловно, этническая идентификация остается одной из интереснейших проблем. С рассматриваемым регионом связывают множество различных племен и государственных объединений; упомянем хотя бы такие глобальные теории или гипотезы, как тохарская, танская, эфалалито-хионитская, аварская, огузская, печенежская и многие другие, но, в первую очередь, кангуйская. Мы продолжаем считать, что неза-

висимо от локализации центра Кангюя, районы Нижней и Средней Сырдарьи к началу н.э. входили в это государственное объединение⁸. Широкомасштабные археологические исследования последних трех десятилетий в восточной части Средней Азии и присырдарьинских районах позволяют предположить, что носители джетыасарской культуры занимали особо важное место в этнически сложном объединении Кангюй. Бесспорно фиксируемые гуннские материалы в джетыасарских памятниках в какой-то степени можно объяснить и дальнейшим продвижением на запад в центр Кангюя части воинов Чжичжи Шаньюя. Вероятно, именно на территории, занимаемой джетыасарской культурой, гунны могли длительное время тесно контактировать и с абorigенами-иранцами, и со сравнительно незадолго до них появившимися здесь юэчжами и уграми. В I тысячелетии н.э. в этих же районах, как выше неоднократно упоминалось, хорошо прослеживаются новые волны иноэтнического инокультурного населения, в том числе и тюркоязычного. Естественно, нельзя хотя бы не упомянуть проблемы печенежского, огузского формирований.

На разных этапах истории носители джетыасарской культуры не были простыми ретрансляторами культур различных этнических групп, но прежде всего сами сыграли весьма заметную роль в этнокультурной истории многих народов Евразии.

Примечания

¹ Толстов С.П. Аральский узел этногенетического процесса // Советская этнография. Вып. VI–VII. М., 1947. С. 308–310.

² Толстов С.П. Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи) // Советская этнография. 1961. № 4; *его же*. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; *его же*. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // Вестник древней истории. 1963. № 2; Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее – ТХАЭЭ). Т. VIII. М., 1973; Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии // Материалы и исследования по археологии СССР. № 177. М., 1971; Левина Л.М. Поселения VII–V вв. до н.э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЭ. Т. XI). М., 1979.

³ Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993.

⁴ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 125–140.

⁵ Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыасарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966; *ее же*. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. Т. VII. М., 1971.

⁶ См. Кияткина Т.П. Краниологический материал из склепов могильников Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. М., 1993; *ее же*. Краниологический материал из Томпакасарского могильника // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. М., 1995; *ее же*. Краниологические исследования из могильников Алтынасар 4 // Там же; Рыкушкина Г.В. Материалы по одонтологии джетыасарской культуры // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. М., 1993.

⁷ Бужилова А.П., Медникова М.Б. Реконструкция некоторых особенностей образа жизни древнего населения Восточного Приаралья по антропологическим материалам могильника Косасар 2 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V.

⁸ Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. С. 6, 7, 241.

L. M. L e v i n a. Ethnocultural history of the Eastern Aral region, I mil. B.C. – I mil. A.D.

Large-scale archaeological excavations at the eastern parts of Central Asia and Syr Darya region carried out during the last thirty years enabled the author to conclude that Jetty-Asar culture played a key role in forming the polyethnic political entity – Kangyui. The territory of Jetty-Asar culture was a contact zone of Hunnu, Iranian-speaking indigenous population, Yuech-Chih and Ugrs. The Jetty-Asar population retranslated cultures of contacted ethnic groups and themselves actively influenced their ethnocultural development.

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

ПРИАРАЛЬЕ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*К 60-летию
Хорезмской археолого-этнографической
экспедиции*

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1998

Л.М.Левина

К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье

С 1946 г. большой цикл работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) параллельно с работами на территории Хорезма был связан с изучением областей Восточного Приаралья — обширной, разветвленной древней сырдарьинской дельты.

За прошедшее время сотрудниками экспедиции открыто и изучено в данном регионе свыше 660 археологических памятников, охватывающих период от неолита (например, стоянки Космола, Талас, Жалпак и др.) и бронзового века (стоянки Космола 7, Егискок, Тас 1—3, Кок-Сенгир и др.) до каракалпакских и казахских поселений и мазаров XVII—XVIII вв. (поселения Оралбай-кала, Хатын-кала, мазар Шатпай).

Аллювиальная равнина, примыкающая к Аральскому морю с востока, почти сплошь прорезанная староречьями огромной древней сырдарьинской дельты (ее площадь более чем в полтора раза превышает таковую амударьинской дельты), представляет собой в плане огромный треугольник (рис. 1 — карта). Последний занимает свыше 400 км в широтном направлении и 200—250 км в меридиональном. С севера и северо-востока эта равнина ограничивается современным руслом Сырдарьи, с запада — Аральским морем, с юга — высокими коренными песками Кызылкумской пустыни. Вся эта обширнейшая пустынная равнина своим происхождением обязана деятельности многочисленных протоков древней дельты Сырдарьи. Вследствие накопления аллювия и миграции русл и протоков здесь происходило периодическое осушение отдельных частей дельты [Андрианов, 1952; Левина, Птичников, 1991, с. 155—156]. На огромной территории равнины выделяются четыре системы древних сырдарьинских протоков: Инкардаря, Жаныдаря, Кувандарья и Пракувандарья (иначе — Эскидарьялык), имевшие в основном широтное направление. Они расходятся радиально от сырдарьинского русла южнее г. Кызыл-Орда. Результаты комплексных исследований позволили установить, что наиболее извилистая, южная инкардарьинская система русл, а также самая северная — Пракувандарьинская функционировали уже в эпоху неолита и бронзы.

До образования современного русла нижней Сырдарьи ее воды одновременно протекали по упомянутой равнине, по крайней мере по двум основным руслам. Вероятно, одновременно с инкардарьинской системой в III тыс. до н.э. сформировалась самая северная из четырех систем — Пракувандарья (Эскидарьялык). В своем нижнем течении соседние системы Инкардарьи и Жаныдарьи в опреде-

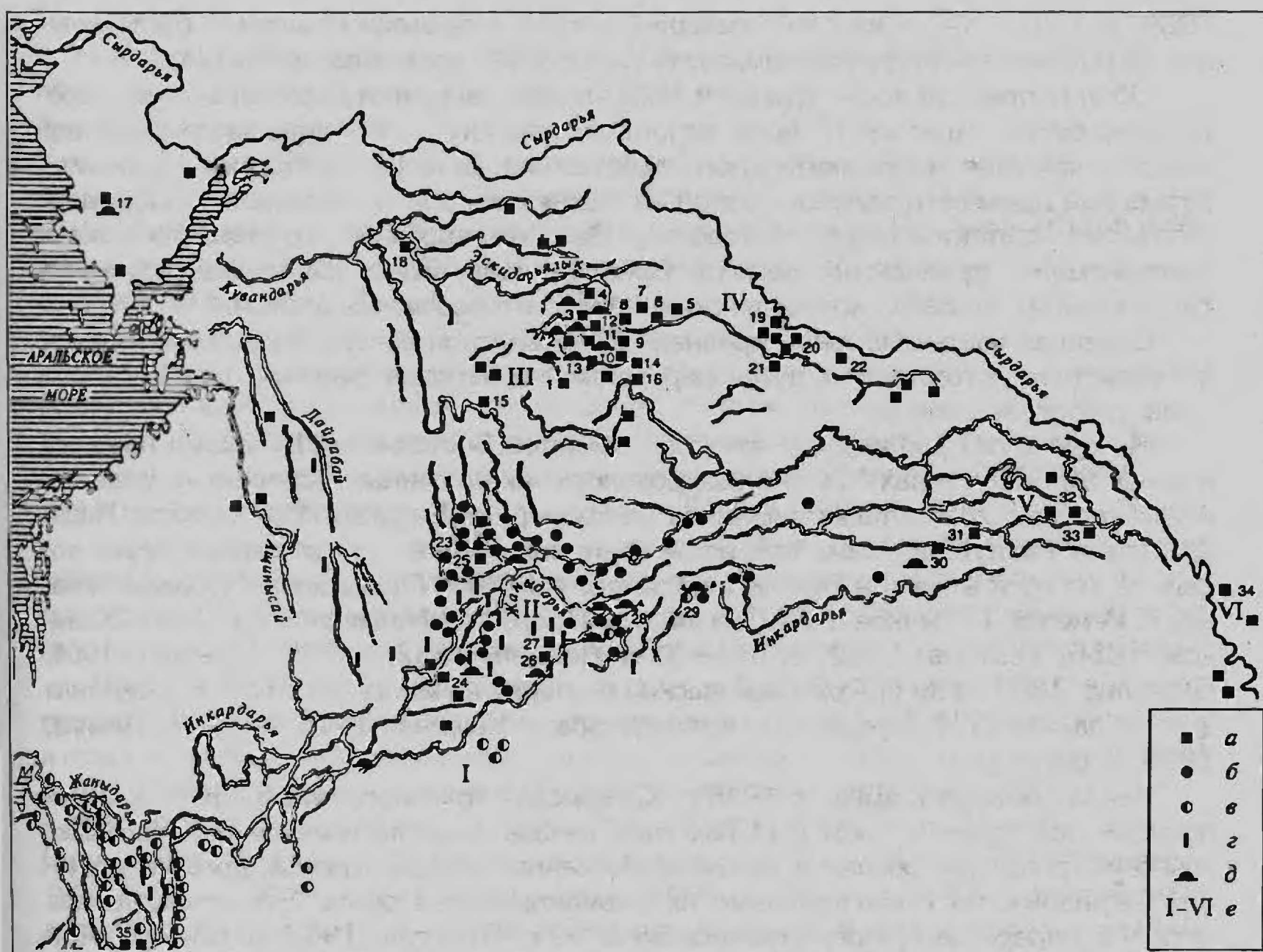

Рис. 1. Карта распространения археологических памятников в Восточном Приаралье в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.: 1—14 — городище Джеты-асар (в том числе: 2 — Бедаик-асар, 3 — Алтын-асар, 6 — Каралы-асар, 11 — Большой Кос-асар, 12 — Томпак-асар, 13 — Малый Кос-асар); 15 — Карак-асар; 16 — Унгурлы-асар; 17 — Кескен-Куюк-кала; 18 — Алыб; 19 — Жолпак-асар; 20 — Домолак-асар; 21 — Кара-асар; 22 — Сарлы-асар; 23 — Кабул-кала; 24 — Чирик-Рабат; 25 — Бабиш-Мулла; 26 — Сенгир-кала; 27 — Баланды; 28 — Тагискен; 29 — Уйгарак; 30 — Коян-кала; 31 — Тас-асар; 32 — Ак-курган; 33 — Тобе-курган; 34 — Ак-тоган; 35 — Барак-там; а — городища и крепости; б — поселения; в — стоянки; г — погребальные сооружения; д — могильники; е — I—VI: I — стоянки и поселения VII—V вв. до н.э. бассейнов северной Акчадарьи и Жаныдарьи; II — поселения, городища и погребальные сооружения чирик-рабатской культуры (конец V—II вв. до н.э.); III — городища и могильники джеты-асарской культуры в урочище Джеты-асар (памятники VIII—VII вв. до н.э. — IX в. н.э.); IV — восточные группы джеты-асарских памятников; V — юго-восточные группы джеты-асарских памятников; VI — ранние городища отгарско-каратауской культуры (II—I вв. до н.э. — VIII в. н.э.)

ленный отрезок времени (до V в. до н.э.) образовывали общую дельту с восточным амударьинским руслом — Акчадарьей. Так как вся дельтовая равнина плавно понижается в направлении с востока-северо-востока на запад-юго-запад [Андрианов, 1969, с. 187], естественно, что западные и южные протоки и системы русел заиливались и переставали функционировать раньше, чем восточные и северные.

Обилие пресной воды, теплый и сухой климат делали эту примыкающую к восточному берегу Аральского моря огромную равнину особо привлекательной для людей в качестве места длительного пребывания. В целом Восточное Приаралье с глубокой древности являлось одной из важнейших зон постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами Великого евразийского степного пояса и земледельцами древнейших оазисов Средней Азии. Здесь же находились места традиционных зимовок скотоводческих и полускотоводческих племен.

Северная часть обширной древней сырдарьинской дельты была своеобразным перекрестком исторических путей передвижения народов, важных миграционных, а также торговых дорог.

Историко-географическое изучение областей Восточного Приаралья началось в конце 60—70-х годах XIX в. и базировалось как на данных античных и средневековых географов и путешественников (например, ал-Бируни, Ибн Хаукаль, Идрис), так и на путевых заметках исследователей XVIII в., проезжавших через эти районы по пути в Хиву и Бухару (например, в 1740 г. Гладышев и Муравин, позднее С.Ремезов, П.Рычков, А.И.Левшин, М.Мейер, А.И.Макшеев и др. — см. [Ханыков, 1850; Ремезов, 1882, с. 316—319; Левшин, 1832, с. 212; Каллаур, 1904; Бартольд, 1897, и др.]). Археологическое изучение началось в 1867 г. с посещения этих областей П.И.Лерхом (см. краткий обзор [Левина, 1971, с. 8—9; Левина, 1996, с. 6 и сл.]).

Как упоминалось выше, с 1946 г. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция под руководством С.П.Толстова начала археологическое изучение Восточного Приаралья, обследуя не только бассейны четырех главных древних протоков Сырдарьи, но и соединяющие их меридиональные русла. Эти исследования, хотя и с перерывами, продолжались до 1992 г. [Толстов, 1948, с. 53—62, 98 и сл.; Толстов, 1962, с. 77—88, 136, 186—198 и сл.; подробно см.: Левина, 1971, с. 8—9; Итина, 1992, с. 32; Вайнберг, Левина, 1992, с. 47; Вайнберг, Левина, 1993, с. 5 и сл.; Левина, 1996, с. 6—7 и сл.].

Планомерные многокилометровые наземные маршруты, в которых объединялись исследования археологов, геоморфологов, почвоведов, топографов и др., сочетавшиеся с авиаразведками, охватили территорию огромной приаральской равнины. Эти разведки, как правило сопровождавшиеся рекогносцировочными раскопками, проводились в 1946, 1948, 1951, 1957—1962, 1966, 1968, 1971—1973, 1976, 1986 гг. Уже с 1948 г. наряду с маршрутными работами развернулись и широкомасштабные раскопки на поселениях и могильниках: в 1948, 1951, 1973, 1976, 1978—1981, 1983—1984, 1986—1991 гг. на памятниках бассейнов древних северных протоков Сырдарьи; в 1957—1965 гг. — на памятниках бассейна древних южных сырдарьинских протоков.

Как упоминалось выше, среди 668 археологических памятников, открытых и исследованных в рассматриваемом регионе во время работ экспедиции, были стоянки, поселения и погребальные сооружения периода от неолита до XVII—XVIII вв.

Только относящихся к неолиту поселений и стоянок (в том числе и дюнных) в настоящее время насчитывается около четырех десятков. Среди них можно упомянуть такие стоянки, как Космола 1—6, Талас 1, Жалпак 1, 2, 4, 6, Айнора и др.

[Виноградов, 1981]. Большая часть изученных стоянок сконцентрирована вблизи современного устья Сырдарьи и в бассейне древних северных сырдарьинских протоков.

Еще большее число исследованных стоянок и поселений (52) можно отнести к эпохе бронзы (в основном — поздней бронзы), но располагались они главным образом в долинах южных древних сырдарьинских русл. Стоянки и поселения бронзового века (например, Бурлы 1—3, Жалпак 4—5, Егискок 1, 2, Космола 7, 8, Баян 2, 3, Еримбет Б, Кок-Сенгир, Марджан 1, 2, Зякет 2, 4, Суык-бет 2, Тек-Турмас 2, Тагискен 1, Тас 1—3) размещались как в коренных песках, так и вдоль русл. Необходимо отметить уникальный комплекс могильника позднебронзового века Северный Тагискен, где было раскопано несколько крупных погребальных сооружений (мавзолеи 4, 5, 6, 7) X—VIII вв. до н.э. и два кирпичных мавзолея второй половины I тыс. до н.э. [Толстов, 1962, с. 79—88, Итина, 1992, с. 31—37]. Из погребальных сооружений позднебронзового века происходит интереснейший культурный комплекс, сочетающий традиции степной бронзы (андроновской, а затем дандыбаевско-бегазинской культуры) Центрального Казахстана и компонент, безусловно связанный с высокой южной цивилизацией [Толстов, 1962, с. 86], который М.А.Итина считает древнебактрийским [Итина, 1992, с. 36].

Упомянутые выше материалы позволяют утверждать, что уже в бронзовом веке районы Восточного Приаралья являлись местом постоянных культурных и этнических контактов различных евразийских племен. Эти контакты многократно возросли в последующие периоды раннего железного века, античности, в средневековье.

В VII—V вв. до н.э. в южной части дельты, в бассейне древних сырдарьинских протоков, обитали сакские племена, оставившие нам свыше шестидесяти поселений и стоянок, несколько могильников (в том числе широко известные некрополи Уйгарак и Южный Тагискен) и своеобразные «шлаковые» курганы [Толстов, 1961, с. 114—115; Толстов, 1962, с. 136—204; Толстов, 1963, с. 22—45; Толстов, Итина, 1966, с. 151—175; Вишневская, Итина, 1971, с. 197—208; Вишневская, 1973; Левина, 1979, с. 178—190; Итина, 1992, с. 36]. Среди 66 обследованных стоянок и поселений почти половина представляют собой крупные поселения, вытянутые (на 300—800 м) вдоль берега небольших естественных протоков. Лишь на одном из них удалось проследить остатки окаймлявшей поселение стены, сложенной из сырцовых кирпичей и пахсовых блоков. Судя по наличию полутораметрового культурного слоя под строениями V в. до н.э. в стратиграфическом раскопе (раскоп 5) на городище Чирик-рабат, последнее, вероятно, было столицей уже сакских племен.

В могильнике Уйгарак из 80 курганов было раскопано 70, датируемых VII—VI (изредка V) вв. до н.э. [Вишневская, 1973]; в могильнике Южный Тагискен из 50 курганов, относящихся к VII—V вв. до н.э., изучено 38 [Итина, 1992, с. 36—47]; из обследованных 23 так называемых «шлаковых» курганов (VII—V вв. до н.э.) раскопаны единицы [Левина, 1979]. Последние обычно располагались по одному на берегах русл на расстоянии не менее 0,5 км от поселений.

Все перечисленные выше памятники VII—V вв. до н.э. дали характернейший инвентарь, включающий помимо вооружения и конской упряжи предметы «звериного стиля» и быта, а также керамику, что позволяет говорить об их связях как с другими сакскими культурами (прежде всего Казахстана, Семиречья), так и с савроматами Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. При этом четко вырисовывается самобытность сакской культуры южных районов древней сырдарьинской дельты.

Рис. 2. Комплекс Бабиш-мулла с воздуха (городище Бабиш-мулла 1 и мавзолей Бабиш-мулла 2)

Позднее здесь на основе культуры упомянутых выше местных саков и под сильным влиянием культуры некоторых южных среднеазиатских земледельческих оазисов сложилась чирик-рабатская культура (рубеж V—IV — II вв. до н.э.). Носители этой культуры оставили нам разветвленные ирригационные сооружения, более двух сотен крупных неукрепленных сельских поселений, высокоразвитую архитектуру, в том числе монументальные погребальные постройки и шесть крепостей. Одна из них (городище Бабиш-мулла 1) (рис. 2) может рассматриваться в целом как сатрапская резиденция в подчиненной Ахеменидам самой северной в державе области «саков, которые за Согдом» [Вайнберг, Левина, 1992; Вайнберг, Левина, 1993].

Топография и внешний вид чирик-рабатских поселений отличны от сакских VII—V вв. до н.э. Чирик-рабатские поселения были размещены в абсолютном большинстве случаев в зоне искусственных ирригационных систем и сосредоточены в нескольких оазисах, нередко вокруг крепостей или укрепленных усадеб. Площадь самих поселений различна, но внутри каждого прослеживаются отдельные многокомнатные дома-усадьбы с близлежащими садами. Для чирик-рабатских поселений характерны открытость, неукрепленность.

Вероятно, столицей носителей и этой культуры продолжало оставаться огромное городище Чирик-рабат, возвышавшееся непосредственно на берегу Жаныдарьи и бывшее, очевидно, резиденцией чирик-рабатских племен.

Погребения чирик-рабатской культуры представлены как подкурганными грунтовыми захоронениями (прежде всего типа катакомб с дромосами), так и специальными наземными мавзолеями. Из почти четырех десятков таких мавзолеев (в той или иной степени было раскопано 18 из них — см. [Вайнберг, Левина, 1993, с. 37—56]) лишь два были квадратными в плане, а остальные представляли собой

круг с внутренней крестообразной планировкой и, как правило, с возведенной на стилобате центральной частью.

Фортификация, строительная техника чирик-рабатских городищ и поселений, приемы ирригации, высокоразвитая архитектура монументальных построек (и жилых, и погребальных), техника изготовления и формы многих сосудов чирик-рабатского керамического комплекса, как и весь характер культуры, лишь подтверждают безусловно местные сакские истоки культуры и ее связи (особенно на первом ее этапе) с некоторыми южными земледельческими культурами.

В конце III — начале II в. до н.э. жители чирик-рабатских городищ и поселений под давлением экологической ситуации (прекращение стока воды в руслах древних южных сырдарьинских протоков) вынуждены были покинуть рассматриваемый регион и уйти, судя по археологическим данным, на юго-запад — в районы Парфии и частично на восток, где в районе г. Алма-Ата обнаружено несколько аналогичных поселений. В это время (III — начало II в. до н.э.) чирик-рабатская культура прекращает свое существование на Восточной Приаральской равнине. Хотя, как упоминалось выше, разведывательные маршрутные исследования археологических памятников Восточного Приаралья (прежде всего авиаразведки) начались под непосредственным руководством С.П.Толстова в 1946 г., раскопки сакских могильников и городищ и погребальных памятников чирик-рабатской культуры интенсивно велись отрядами ХАЭЭ лишь с 1957 по 1964 г.; при этом с 1962 г. продолжались исследования лишь сакских могильников Уйгарак и Южный Тагискен. Во время сырдарьинских маршрутов ХАЭЭ 1971—1972 гг. и сырдарьинской экспедиции ИИАЭ АН КазССР 1986 г. автором данной статьи были проведены рекогносцировочные раскопки еще нескольких чирик-рабатских мавзолеев.

В северных же районах сырдарьинской дельты, в бассейне древних протоков Сырдарьи, Кувандарьи и Пракувандарьи (Эскидарьялык), изучались мощные, хорошо укрепленные городища и курганные могильники джеты-асарской культуры (VIII—VII вв. до н.э. — IX в. н.э.), носители которой сыграли весьма значительную роль в этногенезе многих современных евразийских народов.

Раскопки здесь проводились в 1948—1949, 1951 гг. под руководством С.П.Толстова, затем Ю.А.Рапопорта, М.А.Орлова и Т.А.Жданко (городища Джеты-асар № 3, 9), а в 1973, 1976, 1978—1981, 1983—1984, 1986—1991 гг. — под руководством автора этих строк.

Следует напомнить, что в силу географического положения наиболее важные в регионе миграционные пути и торговые дороги (прежде всего одно из важнейших северных ответвлений Великого шелкового пути), зоны межэтнических и межкультурных контактов в I тыс. до н.э., как и в I тыс. н.э., находились в бассейне именно северных сырдарьинских староречий, где в рассматриваемый период развивалась джеты-асарская культура (с конца эпохи бронзы по IX в. н.э.).

Чрезвычайно своеобразная, очень архаическая по своему внешнему облику джеты-асарская культура резко отличается от всех соседних среднеазиатских и казахстанских культур. Ареал джеты-асарских памятников чрезвычайно широк, и территория, занятая джеты-асарскими городищами, простирается далеко на север, восток и юго-восток от давшего культуре имя Джеты-асарского урочища. Первая характеристика культуры и типология памятников внутри урочища были даны ее первооткрывателем С.П.Толстовым в 1948 г. [Толстов, 1948, с. 125—140]. В середине 60-х годов нами была дана уточненная периодизация культуры и классификация ее керамики. В развитии культуры было выделено три крупных этапа

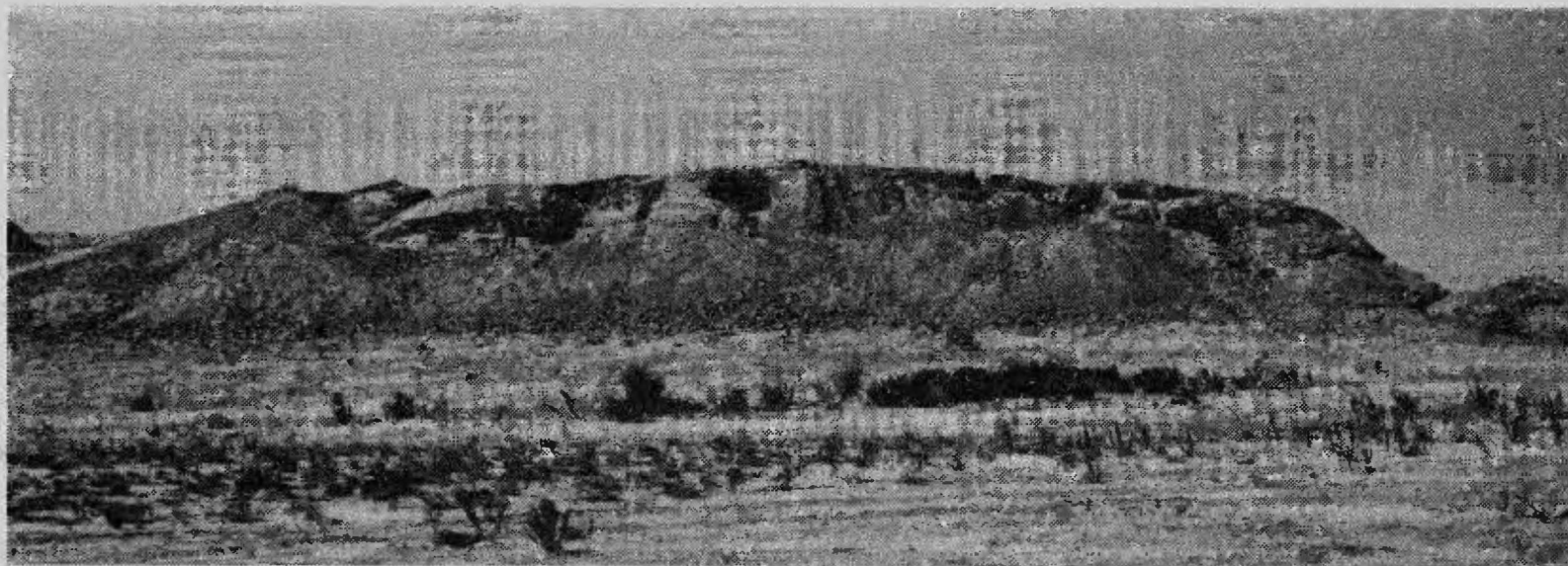

Рис. 3. Джеты-асар 11

[Левина, 1966; Левина, 1971]. Джеты-асарскую культуру характеризуют и особенности расселения, организация поселений, специфика материальной культуры, в том числе и погребальные памятники. В отличие от топографии инкардарьинских и жаныдарьинских поселений VII—II вв. до н.э., где господствуют оазисы с неукрепленными поселениями, топография джеты-асарских имеет совершенно иной характер. Среди известных в настоящее время более полусотни джеты-асарских городищ были лишь многослойные, с развитой фортификацией крепости и не найдено ни одного неукрепленного поселения (рис. 3, 4). Подробное изучение характера расселения, топографии поселений, архитектуры, фортификации, строительной техники, планировки поселений и отдельных жилищ позволило говорить о необычайной устойчивости, консерватизме их на протяжении всего периода бытования культуры в регионе. Огромные, многослойные, многэтажные, хорошо укрепленные джеты-асарские городища всегда размещались в непосредственной близости от русла или какого-либо иного естественного водного источника и были окружены некрополями, насчитывавшими сотни и тысячи курганов.

С последних веков до н.э. вся внутренняя жилая застройка джеты-асарских городищ представляла собой систему из множества однотипных двух- и трехкомнатных жилых секций, состоящих из функционально различных помещений. Основная жилая комната всегда сохраняла один и тот же интерьер (рис. 5). Исследования этнографов (в частности, А.Н.Жилиной) показали, что подобная джеты-асарской секционная планировка с близкой формой лежанок и очагов бытует в некоторых районах Южного Казахстана вплоть до настоящего времени.

Окружавшие любое джеты-асарское поселение десятки курганных некрополей, насчитывающих тысячи и десятки тысяч курганов (рис. 6), содержали подкурганные грунтовые погребения четырех типов и три типа кирпичных погребальных сооружений. Изучение тысячи погребений позволило прийти к выводу о необычайной устойчивости как самих погребальных сооружений, так и единого для всех их типов погребального обряда, бытовавшего на данной территории без каких-либо изменений на протяжении всего существования культуры.

Джеты-асарские могильники всегда привязаны к определенным руслам, как правило размещаясь на берегах действующего протока или канала и перекрывая валы и ложе уже не функционирующих. Удалось зафиксировать факты бытования одновременных, но безусловно принадлежащих различным этносам могильников,

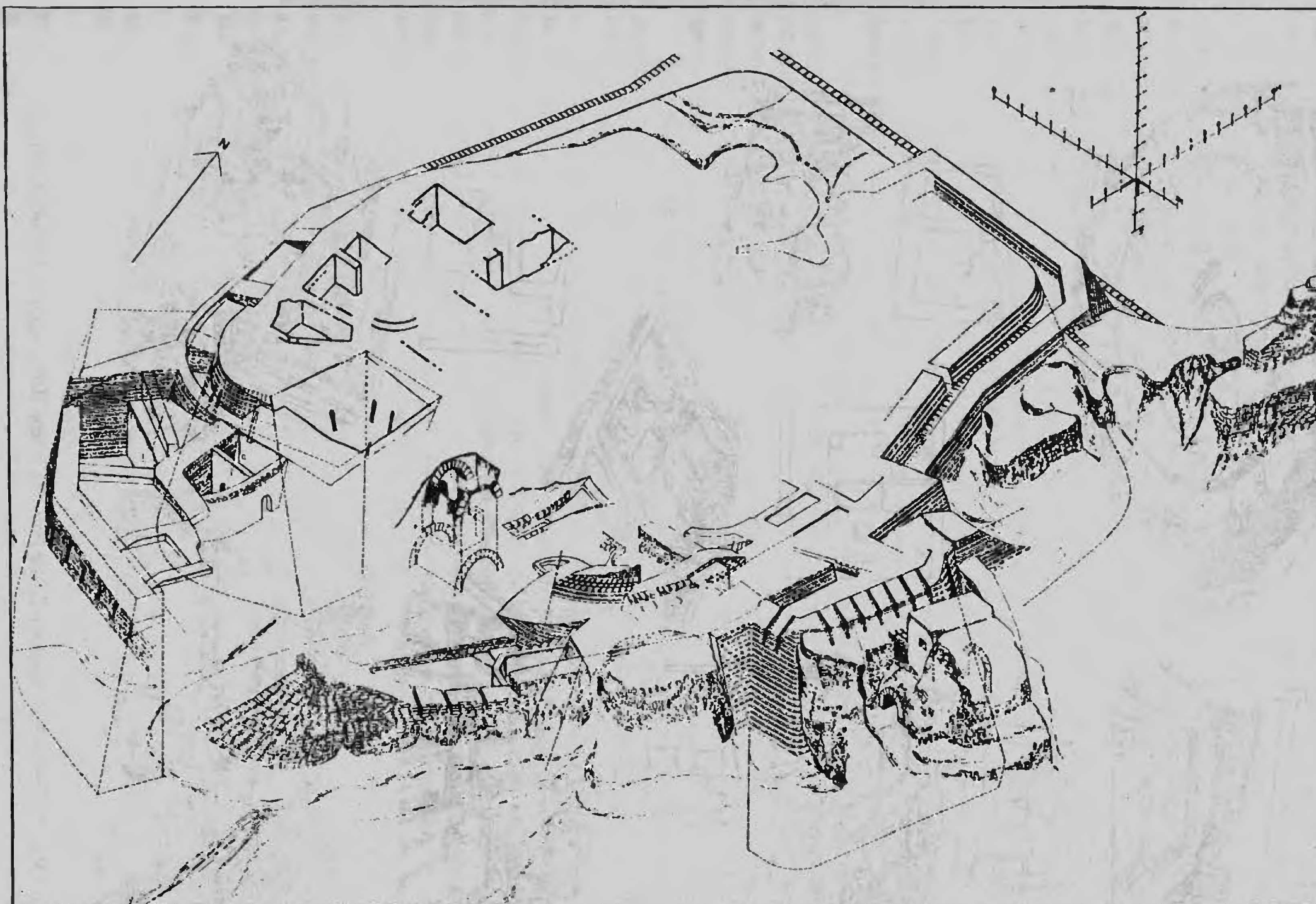

Рис. 4. Городище Джеты-асар 2 (Бедаик-асар) после двух сезонов работ. Аксонометрия центральной площадки крепости

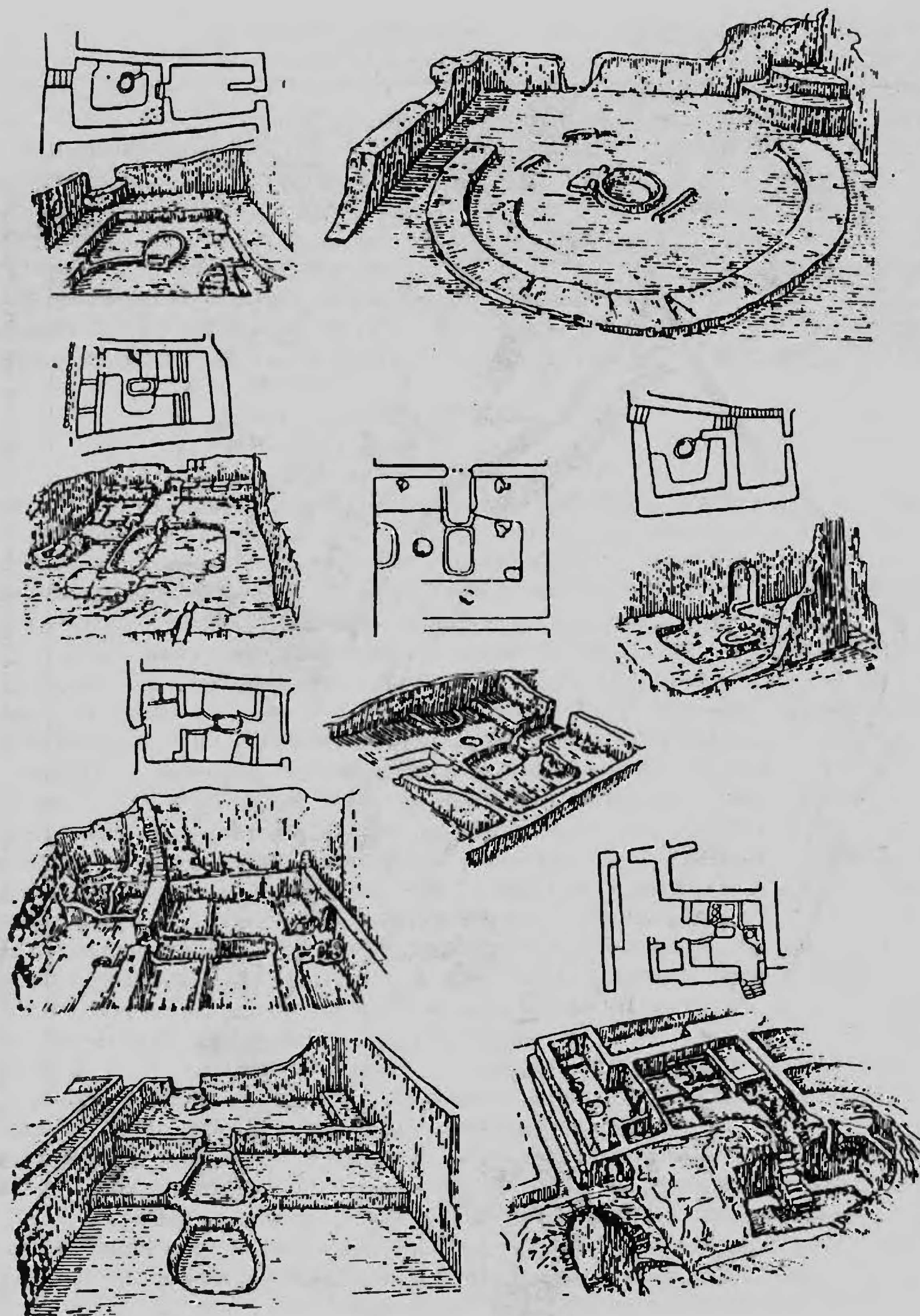

Рис. 5. Городище Джеты-асар 12 (Томпак-асар). Виды некоторых жилых секций

размещенных на разных берегах одного протока или даже рядом, на одном берегу. Среди 740 курганов, раскопанных с середины 80-х годов, 102 содержали кирпичные сооружения-склепы, разделенные нами по совокупности архитектурных и планировочных признаков на три типа (рис. 7). Детальный анализ погребального инвентаря показал, что такая форма погребений, как захоронения в кирпичных усыпальницах-склепах, наряду с другими типами подкурганных погребений обычна для джеты-асарской культуры, вероятно, на всем протяжении ее существования в данном регионе. По-видимому, и подземные, и наземные склепы ведут свое происхождение в определенной степени от кирпичных мавзолеев позднебронзового века могильника Северный Тагискен, расположенного в нескольких десятках километров к югу от джеты-асарских городищ. Строительная техника и приемы тагискенских мавзолеев (вплоть до качества, цвета и размеров сырцовых кирпичей) аналогичны выявленным в нижнем строительном горизонте таких джеты-асарских городищ, как Бедаик-асар. Керамический комплекс тагискенских мавзолеев (например, мавзолея № 6) генетически чрезвычайно близок к джеты-асарской керамике. Сам же принцип подкурганных подземных сооружений, где стены и перекрытия сооружены из камня, известен в андроновской культуре Центрального Казахстана (например, в могильнике Бугулы 1).

Раскопанные джеты-асарские курганы демонстрируют необычайную устойчивость типов погребальных сооружений, наземных и подземных, и погребального обряда. Строго унифицированы как детали погребальных сооружений, местоположение погребений, так и наборы и характер погребального инвентаря, а также нюансы одежды и украшений, что, безусловно, определялось характером самой джеты-асарской культуры.

Необычайная устойчивость и консерватизм характерны и для всех категорий джеты-асарской материальной культуры, будь то керамика, оружие, орудия труда, одежда, украшения, конское снаряжение и т.п.

Анализ материала, полученного в результате многолетних раскопок и разведок на территории огромной, примыкающей с востока к Аральскому морю равнины, позволил прийти к заключению, что в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. были обитаемы главным образом обширные территории бассейна древних северных среднесырдарьинских протоков, где сложилась устойчивая, насыщенная памятниками область своеобразной культуры. Само географическое положение ее определяло функциональную нагрузку территории и джеты-асарской культуры.

Характерная для джеты-асарской культуры необычайная традиционность и консерватизм при внешней архаичности всех черт материальной культуры проявляются и в облике городищ, в топографии расселения («гнезда»), в планировке и характере внутренней жилой застройки, фортификации, строительных приемах погребальных сооружений (как наземных, так и подземных), в едином для всех типов и групп этих сооружений погребальном обряде, бытующих без видимых изменений на протяжении всего существования культуры в регионе.

Антропологические исследования говорят о едином в основной массе населения, хотя в отдельных курганах и могильниках можно отметить иной расовый тип погребенных.

Все аспекты культуры: топография и характер городищ, строительные приемы, принципы фортификации, внутренняя жилая застройка, погребальные сооружения и обряды, керамика, основные предметы быта, одежда, даже характер «модных» украшений — оставались неизменными на протяжении тысячелетия. Даже типы хозяйства и, вероятно, сама социальная организация общества, насколько можно

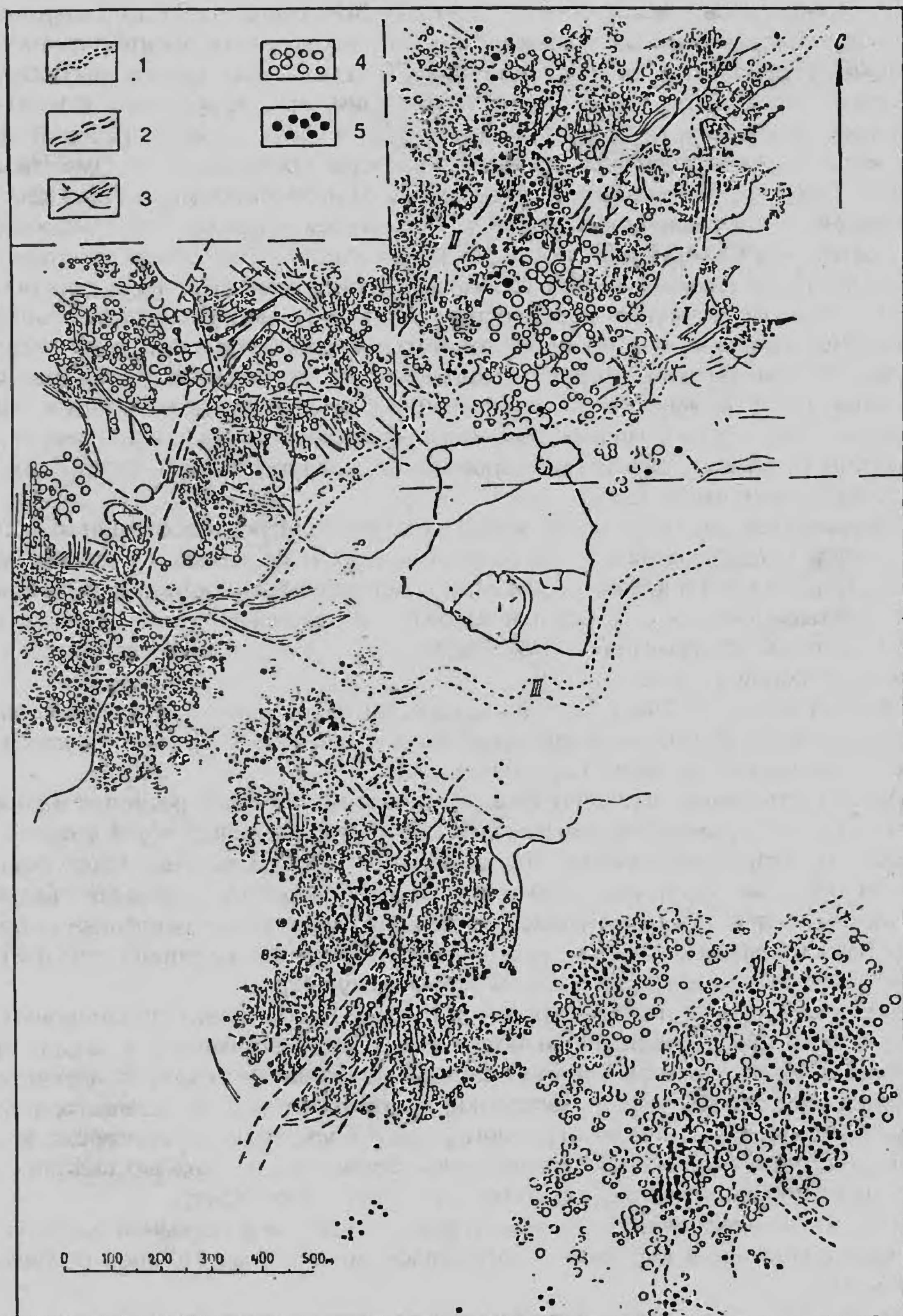

Рис. 6. План-схема расположения курганов к северу, западу и югу от комплекса городищ Алтын-асар (Джеты-асар 3): 1 — естественные водные артерии; 2 — русла со следами переуглублений и дублирующими каналами; 3 — искусственные водные артерии и мелкая оросительная сеть; 4 — нераскопанные курганы; 5 — раскопанные курганы

судить по остаткам джеты-асарской материальной культуры, практически не изменялись на всем протяжении ее бытования в регионе. Возможно, в силу происхождения, специфики социальной организации джеты-асарского общества, расположения джеты-асарских памятников в зоне традиционных миграционных дорог носители джеты-асарской культуры могли особенно культивировать свой консерватизм и внешний архаизм в качестве одной из защитных реакций.

На фоне подобного единообразия всех черт материальной культуры становятся заметными малейшие отклонения в планировке поселений, фортификации, погребальных сооружениях, керамике и т.п. Эти «чужие» элементы, столь хорошо заметные в системе джеты-асарских комплексов, позволяют успешно проследивать характер, направленность, степень проявления разных типов и форм контактов. Так, например, носители джеты-асарской культуры активно участвовали в системе обменных отношений того времени, и при этом их торговые связи были очень стабильны. Сохранившиеся во многих захоронениях обрывки богато украшенной одежды, сшитой из шерсти, хлопка, гладкого и полихромного шелка, кожи, свидетельствуют о постоянных далеких связях «джеты-асарцев» как с Китаем, так и с Сирией, Византией, Ираном, дорогие полихромные шелка которых широко представлены в материалах джеты-асарской культуры. То же можно сказать и о каменных бусах, фибулах, предметах туалета и т.п. Изделия всех ныне известных древних мастерских (в том числе и стекольных), от Египта до Китая, от Переднего Востока, Ирана и Индии до Центральной Европы и Прибалтики, также найдены в джеты-асарских курганах. Однако керамика, наиболее массовая и выразительная категория материальной культуры, оставалась неизменной (ил. 2).

Мы убеждены, что именно бытовая керамика является основным индикатором не только культуры, времени, но и одним из основных показателей этнической принадлежности, так как бытовая посуда ручной лепки никогда не становилась объектом импорта или экспорта. В первую очередь это относится к культурам с натуральным типом хозяйства, часто со скотоводческо-земледельческим уклоном, что характерно для евразийского степного пояса и соседних лесостепных и полустепных районов. Погребальные обряды и типы погребальных сооружений, являющиеся отражением определенных идеологических представлений, могут быть одним из значимых проявлений культуры на определенных этапах, но не этнической характеристикой. Поэтому массовое появление на «джеты-асарской» территории иной керамики (как правило, вместе с фиксируемыми, отличными от джеты-асарских деталями погребальных сооружений и инвентарем) позволяет говорить о притоке иноэтничного, инокультурного населения и проследивать связи каждой новой «волны».

Анализ материалов таких погребений показал, что на территорию размещения джеты-асарских памятников носители иных культур и этносов попадали неоднократно. Так, уже к V—IV вв. до н.э. можно отнести отдельные погребения с характерным для тянь-шаньских саков инвентарем. К последним векам до н.э. относится немало курганов, содержащих материалы, типичные для зауральских гороховской, саргатской культур и соседних с ними лесостепных и лесных культур Зауралья и Приуралья, связываемых их исследователями с угорскими и угро-самодийскими племенами. Тожественные материалы отмечены в культурных слоях ранних джеты-асарских поселений. Весьма вероятно, что именно с появлением в последние века до н.э. значительных масс зауральского населения можно увязывать распространение определенных зооморфных и антропоморфных изображений. Эти изображения дополняют другие археологические данные, и в первую очередь находки сосудов, тождественных керамике гороховской и саргатской культур Зауралья.

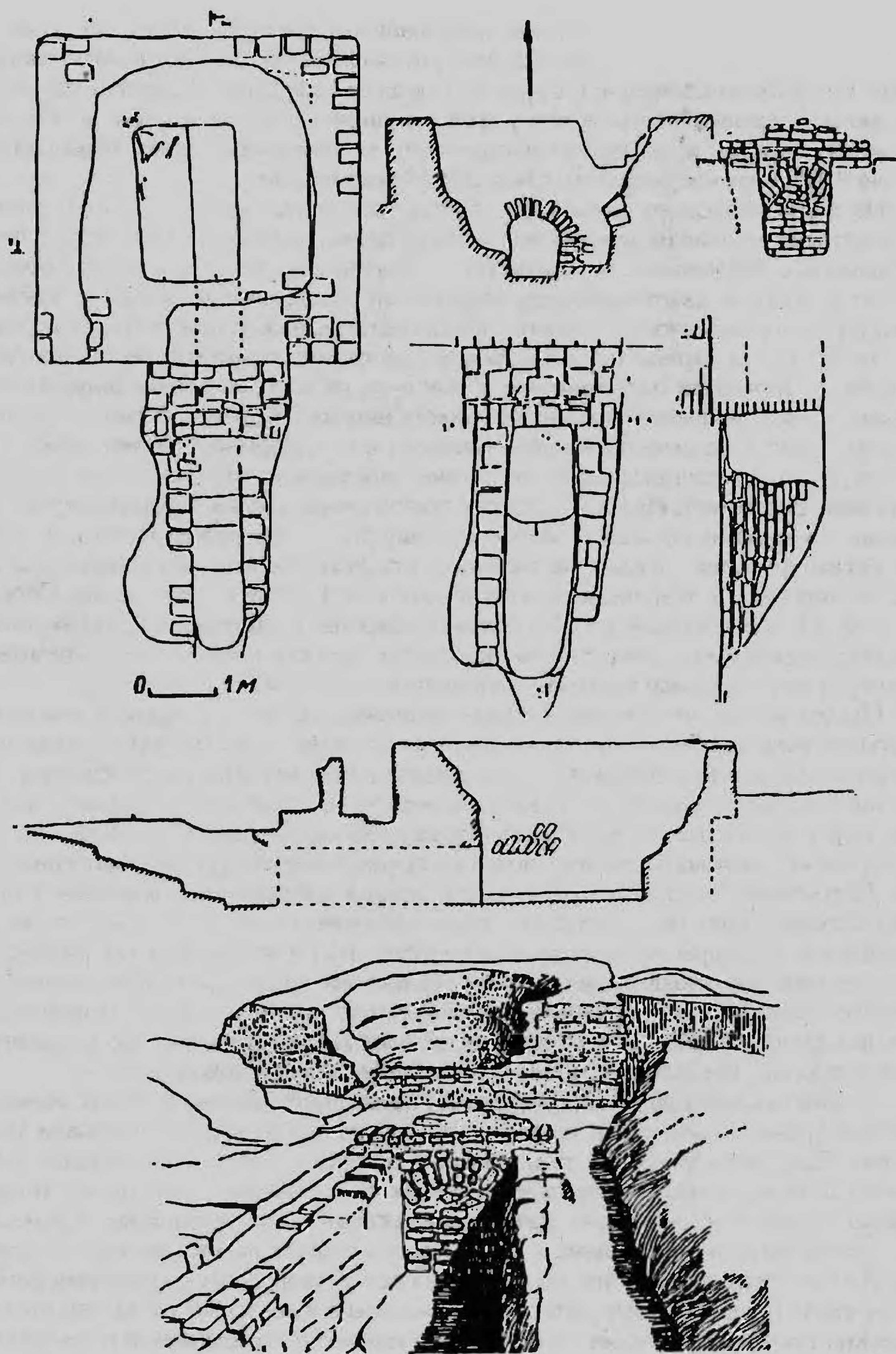

Рис. 7. Могильник Алтын-асар 4в. Курган 50, склеп. Планы, разрезы, вид с юга на вход и погребальное сооружение после раскопок

Почти одновременно с вышеуказанными в джеты-асарских комплексах отмечаем материалы, типичные для предгорных и присырдарьинских районов Южного Казахстана и локальных вариантов среднесырдарьинских культур. Нам представляется возможным отождествлять носителей этих культур с юечжами.

Вероятно, в I в. до н.э. в джеты-асарских комплексах фиксируются предметы инвентаря, характерные для памятников, которые их исследователи связывают с гуннами.

Неоднократно упомянутая специфика джеты-асарской культуры позволяет не только четко выделять в материальных комплексах инокультурные элементы, но и прослеживать их существование на протяжении длительного периода. Их продолжительное бытование и органическое проникновение в джеты-асарскую культуру дают основание предполагать, с одной стороны, непрерывность связей бывшего пришлого населения с первоначальным местом их обитания, а с другой — постепенную естественную ассимиляцию этого населения «джетыасарцами».

Аналогичная картина наблюдается неоднократно и по материалам первых веков и середины I тыс. н.э., вплоть до VI—VII вв., когда в Джеты-асарском урочище не только отмечены специфические черты тюркского орнамента на характерной джеты-асарской керамике, но и обнаружен фрагмент рунической надписи на венчике типичного джеты-асарского кувшина, найденного в культурном слое одного из джеты-асарских городищ. Можно говорить даже о двух волнах тюркского населения, с востока и юго-востока, попавших на джеты-асарскую территорию в VI и начале VII в., но после смешения с местным населением давших варианты, отличные от местной культуры. Полученные при раскопках материалы позволили отслеживать судьбу «чужих» этносов и культур, попадавших на территорию джетыасарцев.

«Нарочитый» консерватизм джеты-асарского населения мог быть проявлением устойчивого этнического самосознания, благодаря которому джеты-асарская среда успешно поглощала большинство пришлых племен.

В то же время внешняя архаичность самой джеты-асарской культуры позволяла сосуществовать на данной территории различным этническим образованиям на протяжении столетий.

Взаимодействие носителей джеты-асарской культуры с иными племенами не проходило бесследно и для «джетыасарцев». Так, в конце III — IV в. н.э. гибнет в огне военных столкновений целый ряд джеты-асарских городищ, другие спешно покидаются жителями. Очевидно, под влиянием волны кочевников с востока происходит передвижение больших групп джеты-асарского населения в районы Северного Кавказа и далее на запад, а также четко фиксируемое одновременное передвижение их по правому берегу Сырдарьи на юг и юго-восток, по крайней мере до Ферганы.

Одновременно джеты-асарское население оказывало значительное влияние и на племена восточной части Средней Азии (прежде всего присырдарьинские), Северного Кавказа (см. раннеаланские памятники), Среднего Поволжья и др.

Миграционные волны фиксируются в рассматриваемых регионах Восточного Приаралья и в конце V — начале VI, в конце VI — VII и в VIII вв. н.э. В VIII—IX вв. в связи с очередными экологическими катаклизмами прекратилась жизнь в долинах древних северных сырдарьинских протоков, а жители джеты-асарских городищ переселились в другие районы (см. ниже).

Рассматриваемый регион, как полагают, сыграл важную роль в этнической истории различных племен и формировании ряда государственных объединений.

Упомянем хотя бы такие глобальные проблемы, как тохарская, аланская, эфталито-хионитская, аварская, огузская, печенежская и многие другие, но в первую очередь кангюйская. Хотя мы продолжаем считать, что независимо от локализации центра Кангюя районы Нижней и Средней Сырдарьи к началу н.э. входили в это государственное объединение [Левина, 1971], однако широкомасштабные археологические исследования последних трех десятилетий в восточной части Средней Азии и присырдарьинских районах позволяют уже сейчас предположить, что носители джеты-асарской культуры занимали особо важное место в этнически сложном объединении Кангюй. Вероятно, именно на территории, занимаемой джеты-асарской культурой, гунны могли длительное время тесно контактировать и с аборигенами-иранцами, и со сравнительно незадолго до них появившимися здесь юечжами и уграми.

В I тыс. н.э. в этих же районах прослеживаются новые волны иноэтничного населения, в том числе и тюркоязычного. Естественно, нельзя хотя бы не упомянуть проблемы печенежского и огузского формирований.

На разных этапах истории носители джеты-асарской культуры были не простыми ретрансляторами культур различных этнических групп, но и сами сыграли весьма заметную роль в этнокультурной истории многих народов Евразии.

С прекращением стока вод в древние северные сырдарьинские протоки — Эскидарьялык и Кувандарью (VIII в. н.э.) жизнь на восточноаральской равнине не замерла полностью. Различные группы носителей джеты-асарской культуры мигрировали в разных направлениях: и на юго-восток по правому берегу Сырдарьи (при этом частично осев в районах истоков вновь обводненной Инкардарьи), и на юго-запад в районы современной Амударьинской дельты (где сложилась кердерская культура VII—IX вв.), а также передвинулись на запад-северо-запад, в современную дельту Сырдарьи, и далее на запад в районы Поволжья и Северного Кавказа (например, бахмутинская и салтовская культуры, в которых четко прослеживаются джеты-асарские компоненты). В дельтовых сырдарьинских районах уже бытовали, возможно, родственные «джетыасарцам» племена. После же передвижения туда носителей джеты-асарской культуры здесь расцветает так называемая «культура болотных городищ» (с VII в. до н.э.). Такие городища, как Кескен-Куюк-кала, Куюк-кала, Янгикент, были впервые обследованы ХАЭЭ под руководством С.П.Толстова еще в 1946 г. [Толстов, 1947а; Толстов, 1962, с. 198 и сл.], а в 1962 г. были повторно обследованы маршрутными отрядами экспедиции. Жителей так называемых «болотных городищ» С.П.Толстов связывал с огузами, а Янгикент — с резиденцией «царя гузов» [Толстов, 1962, с. 276].

Немалое место в работах Хорезмской экспедиции в дельтовых сырдарьинских районах уделялось исследованиям памятников IX—XVI вв. Работы проводились на десятках разновеликих разновременных укрепленных городищ — зимовках скотоводческих племен (огузов, печенегов, возможно, кимаков, кипчаков и др.) в восточной части дельты (например, на Сарлы-кале, Зангар-кале, Дженде, Асанасе, Уйгараке) и на поселениях колонистов-хорезмийцев в западных районах (например, на Ашинансай-кале, Майнаркане).

Все эти исследования также были начаты еще в 1946 г. и продолжены в период археолого-топографических маршрутных исследований 1958, 1959—1961, 1966, 1968, 1971—1972, 1986 гг. (частичную публикацию их см. [Толстов, 1962, с. 273—294]). Было обследовано свыше 90 городищ и поселений IX—XI, XII—XIV, XV—XVI вв. и более позднего времени, а также свыше трех десятков каракалпакских и казахских мазаров XVII — начала XIX в. Некоторые из обследованных

экспедицией мазаров датируются XI—XII вв. [например, мазар Сарлы-там (инкардарьинский)] и XIV—XV вв. [например, мазар Сарлы-там (жаныдарьинский)]. В некоторых казахских мазарах сохранились панели с многокрасочной росписью [как в мазаре Шатпай, расположенном недалеко от городища Жаны-кала (город Дженд)].

Все упомянутые выше городища и поселения подверглись лишь рекогносцировочному изучению (со снятием планов, сбором подъемного материала и т.п.). Исключение составили только городище Асанас (раскапывался Н.Н.Вактурской в 1968 г.) и поселение Мурзалы (раскопки Н.Н.Вактурской в 1972 г.).

Исследование этих городищ и поселений позволило разделить их на несколько групп. Расположенные в восточной части инкардарьинского и жаныдарьинского бассейнов городища (типа Сарлы-там-кала, Зангар-кала, Мартык-кала, Сайкудук-кала I—III, Кыз-Молла и др.) могут быть датированы IX—XI вв. (изредка IX—XII вв.), они имеют в плане различную конфигурацию и в абсолютном большинстве случаев — трехчастное деление. К квадратной в плане цитадели, защищенной стенами с башнями, с трех сторон примыкает территория городища с высокими стенами, но чаще с валами и рвом [Толстов, 1962, с. 277]. Помимо цитадели на остальной площади городищ часто фиксируются лишь отдельные жилые строения и незастроенные пространства.

В своеобразных керамических комплексах городищ и поселений (последние тоже укреплены и могут считаться скорее городищами) немалый процент принадлежит материалам, безусловно связанным с поздним джеты-асарским периодом. Большинство этих городищ прекратили свое существование в XI—XII вв. Но отдельные восточноинкардарьинские городища продолжали бытовать и позднее XI—XII вв., иногда вплоть до XVI в. (например, Джаны-кала—Дженд, Асанас), при этом с резким изменением планировки. Возможно, все упомянутые выше городища могут быть связаны с какими-либо огузскими племенами.

В центральной и западных частях совмещенного инкардарьинского—жаныдарьинского бассейна, как и в долинах западных меридиональных протоков, исследовано несколько десятков укрепленных поселений, планировка которых резко отличается от таковой восточноинкардарьинских городищ. Как правило, эти поселения заключают ряды многокомнатных домов с расположенными вблизи них садами и огородами, при полном отсутствии цитаделей и высоких валов (таковы поселения Мурзалы, Майнаркан 1—2, Арсыбай, Иркимбай, возможно, Уйгарак и др.). Датируются они XII—XIII, иногда XII—XIV вв. Их керамические комплексы содержат значительный процент характерных хорезмийских сосудов. Последнее, как и некоторые типично хорезмийские строительные приемы, позволяет думать об этих поселениях как о своего рода колониях хорезмийцев.

Позднее XIV в. число городищ и поселений резко сокращается. Продолжают существовать лишь отдельные крупные городища, такие, как Дженд, Асанас, Янгикент, хотя для XV—XVI вв. отмечаются и укрепленные поселения (типа поселения — точки 115 маршрута 1968 г.). Для XVII в. характерны отдельные укрепления типа Ерембет-калы и Дайрабат-калы со слабыми следами внутренних жилых построек и лишь одной крепостной стеной-валом. В XVIII в. в этих районах строится несколько каракалпакских крепостей с двойным кольцом стен (Оралбай-кала и др. — см. [Толстов, 1962, с. 286]), а несколько позднее и единичные казахские поселения, на внутренней площади которых сохранились обваловки юрт и развалины мечетей (например, Ерембет-кала к югу от Кызыл-Орды).

Все сказанное выше подтверждает особую значимость исследованного Хорезмской экспедицией региона и как места традиционных зимовок скотоводческих и полускотоводческих племен, и как зоны постоянных контактов между скотоводами Великого Евразийского степного пояса и среднеазиатскими земледельческими оазисами, и как своеобразного «перекрестка» миграционных и торговых путей. Именно здесь формировались условия для устойчивого сосуществования на протяжении столетий различных этносов. Все это обуславливало специфику и сложность происходящих здесь активнейших этногенетических процессов, что позволило С.П.Толстову еще в 40-е годы выделить Приаралье как территорию, особо значимую в этнической истории, назвав его «аральским узлом этногенеза» [Толстов, 1947б].

- Андрианов, 1952 — Андрианов Б.В. Ак-Джакыз (к истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовье Аму-Дарьи). — ТХАЭЭ. 1952, т. 1.
- Андрианов, 1969 — Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Андрианов, Левина, 1979 — Андрианов Б.В., Левина Л.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в первом тысячелетии н.э. — Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Бартольд, 1897 — Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью в 1893—1894 гг. — Записки АН, серия 8, т. 1, № 4. СПб., 1897 (то же: Сочинения. Т. 4. М., 1966).
- Вайнберг, Левина, 1992 — Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. — Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Вайнберг, Левина, 1993 — Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. М., 1993.
- Виноградов, 1981 — Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. — ТХАЭЭ. 1981, т. 13.
- Вишневская, 1973 — Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н.э. — ТХАЭЭ. 1973, т. 8.
- Вишневская, Итина, 1971 — Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья. — Проблемы скифской археологии. М., 1971.
- Итина, 1992 — Итина М.А. Ранние саки Приаралья. — Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Каллаур, 1904 — Каллаур В.А. Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде в долинах рр. Сыр-Дарьи и Яны-Дарьи. — ПТКЛА. 1904, 9.
- Левина, 1966 — Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры. — Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.
- Левина, 1971 — Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н.э. — ТХАЭЭ. 1971, т. 7.
- Левина, 1979 — Левина Л.М. Поселения VII—V вв. до н.э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты. — Кочевники на границах Хорезма. М., 1979 (ТХАЭЭ. Т. 11).
- Левина, 1996 — Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). М., 1996.
- Левина, Птичников, 1991 — Левина Л.М., Птичников А.В. Динамика ирригации и древних русел в урочище Джетыясар (Восточное Приаралье). — Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., 1991.
- Левшин, 1832 — Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. — Известия географические. СПб., 1832, т. 12.
- Ремезов, 1882 — Ремезов С. Чертежная книга Сибири, составленная в 1701 г. СПб., 1882.
- Толстов, 1947а — Толстов С.П. Города гузов. — СЭ. 1947, № 3.
- Толстов, 1947б — Толстов С.П. Аральский узел этногенетического процесса. — СЭ. Т. VI—VII, 1947.
- Толстов, 1948 — Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Толстов, 1961 — Толстов С.П. Приаральские скифы и Хорезм (к истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи). — СЭ. 1961, № 4.

- Толстов, 1962 — Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Толстов, 1963 — Толстов С.П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. — ВДИ. 1963, № 2.
- Толстов, Итина, 1966 — Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи — СА. 1966, № 2.
- Ханыков, 1850 — Ханыков Н.В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и географом Муравиным. — Географические известия. 1850, октябрь—ноябрь.